

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсц. . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсц. . . 4 р. —

Отдѣл. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсц. . . 6 р. —

на 6 мѣсц. . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Спб. Поварской пер. д. 5, к. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Спб.,
Надеждинская, д. 19, кв. 32.,

а также въ книж. маг. Воль-
фа, Нев., Гостиной дв. № 18.

Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».

Въ Омскѣ—въ книж. ма-
газинѣ Александрова.

Въ Тифлисъ—въ книжн.
агентствѣ Шавердова.

СОДЕРЖАНІЕ: Земство въ Сибири. — Хроника. — Корреспонденціи. — Судьба сибирскихъ путей сообщенія (письмо изъ Енисейска) С—а. — Какъ спознавали Сибирь полтораста лѣтъ назадъ. С. В. Максимова. — Тысяча и одна ночь изъ Туркестанской жизни. Каракурта. — Новый способъ распространенія газетъ (фельетонъ). Т—мская. — Хроника жизни за недѣлю. — Критика и библиографія. — Объявленіе о подпискѣ.

ЗЕМСТВО ВЪ СИБИРИ.

I.

При изданіи, въ 1864 г., положенія о земскихъ учрежденіяхъ, министерству внутреннихъ дѣлъ, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, было поручено войти въ соображеніе о примѣненіи этого положенія къ губерніямъ, управляемымъ по особымъ учрежденіямъ, — слѣдовательно и къ Сибири. Дѣлались ли эти соображенія, и какой былъ ихъ результатъ — неизвѣстно. Но когда (помнится, въ 1866 г.) коммисія, составлявшая судебные уставы, обратилась въ министерство съ вопросомъ, скоро ли будутъ введены въ Сибири земскія учрежденія, то получила отвѣтъ, что въ Сибири нѣтъ земскихъ элементовъ, а потому и вводить тамъ земскія учрежденія не предполагается.

Такой отвѣтъ очевидно противорѣчилъ приведенному мнѣнію государственнаго совѣта, въ которомъ былъ поставленъ вопросъ о примѣненіи земскаго положенія къ Сибири, слѣдовательно, въ принципѣ, предполагалось возможнымъ ввести его. Но могло быть и то, что вслѣдствіе доставленныхъ министерствомъ свѣдѣній и соображеній, предположеніе это было отмѣнено. Какъ бы то ни было, а отсутствіе въ Сибири земскихъ элементовъ было заявлено официально. Съ тѣхъ поръ прошло 18 лѣтъ; не народились ли эти элементы теперь?

Чтобы правильно разрѣшить этотъ вопросъ, нужно, прежде всего, уяснить себѣ понятіе о земствѣ и его элементахъ.

Что такое земство?—Какъ скоро нѣсколько человѣкъ стало твердой ногой на извѣстной мѣстности, обзавелось домами, скотомъ, развело пашни, — они уже составляютъ общественную группу, у нихъ уже появляются общіе интересы. Для всѣхъ ихъ одинаково важно, чтобы дома ихъ не сгорѣли, луга и пашни не страдали отъ насѣкомыхъ, потравъ или засухи, скотъ не валялся и не гибнулъ, чтобы у нихъ были удобныя сообщенія между собой и съ сосѣдями, бѣдняки и больные были призрѣны, дѣти не гибли въ раннемъ возрастѣ и получали хорошее воспитаніе. Все это требуетъ общихъ усилій, общихъ трудовъ и расходовъ, — и для нихъ важно также, чтобы эти труды и расходы были какъ можно менѣе обре-

менительны и распредѣлялись между ними справедливѣе. Вотъ эти-то люди, тѣсно связанные своими общими интересами съ мѣстностью, на которой они живутъ, и составляютъ мѣстное земство. Въ маломъ видѣ, въ зародышѣ, оно представляется общиной; въ болѣе обширномъ, — населеніемъ волости, уѣзда, губерніи, всей страны. Такого опредѣленія нѣтъ въ сводѣ законовъ, но оно ясно и, думаемъ, вѣрно.

Объектъ дѣятельности земства, — все, что, на извѣстной мѣстности, можетъ какимъ либо образомъ вліять на благосостояніе мѣстнаго населенія и потому требуетъ его попеченій или возбуждаетъ его заботы. Функціи земства, смотря по ходу народнои жизни, могутъ измѣняться; но все то, что находится въ извѣстномъ районѣ, содержится на средства мѣстнаго населенія, должно безусловно подлежать вѣдѣнію земства этого района. Отсюда ясенъ выводъ о томъ, что должно считать земскими элементами. Это — населеніе, солидарное съ мѣстными интересами и участвующее въ расходахъ на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ.

Неужели же въ Сибири не было и нѣтъ мѣстнаго населенія и мѣстныхъ нуждъ? неужели ея населеніе до сихъ поръ состоитъ сплошь изъ людей пришлыхъ, бродячихъ, которые «нынче здѣсь, а завтра тамъ», какъ говорится въ пѣснѣ, которыми все тринь-трава въ Сибири? Вѣдь такими могутъ быть только разнаго рода наѣзжіе искатели приключеній, а громадное большинство населенія состоитъ изъ коренныхъ мѣстныхъ жителей. Мы, сибиряки, — что бы ни говорилъ покойный Щаповъ о нашихъ «эгоистически-приобрѣтательныхъ» наклонностяхъ, и даже отчасти именно въ силу этихъ наклонностей, — мы все-таки желаемъ, чтобы у насъ все было такъ, какъ у добрыхъ людей, и чтобы жить намъ, по возможности, было лучше. Или у насъ нѣтъ общихъ интересовъ? нѣтъ ни домовъ, ни скота, ни пашень, ни дорогъ, ни ребятъ, ни бѣдней, ни бѣдныхъ, ни повинностей? Что-то непонятно.

Но, можетъ быть, наше опредѣленіе земства невѣрно? можетъ быть, законъ подразумѣваетъ подъ земствомъ что-то другое, несогласное съ этимъ опредѣленіемъ? — Обратимся тогда къ закону.

По 1817 ст. II т. I ч. Св. Губ. Учр. изд. 1876 г., земскія учрежденія существуютъ «для завѣдыванія дѣлами, от-

носящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ». Это опредѣленіе не совсѣмъ точно: изъ слѣдующей же, 1818 ст., видно, что на земскія учрежденія возлагаются, между прочимъ, мѣры призрѣнія, попеченіе о построеніи церквей, о народномъ образованіи, народномъ здравіи и о тюрьмахъ, а также дѣла, ввѣренныя земскимъ учрежденіямъ на основаніи особыхъ положеній. Все это далеко выходитъ за предѣлы однихъ только «хозяйственныхъ» пользъ и нуждъ. Но все-таки и изъ смысла 1817 ст. выходитъ, что земскія учрежденія существуютъ для попеченія о мѣстныхъ потребностяхъ.

Изъ кого же состоятъ земскія учрежденія? Ячейка ихъ—это уѣздные избирательные съѣзды: землевладѣльцевъ (ст. 1.839), городскихъ обществъ (1.844), и сельскихъ обществъ (1.847). Эти съѣзды избираютъ, въ опредѣленномъ отъ каждаго числѣ, гласныхъ въ уѣздныя земскія собранія (1.829). Выбранные уѣздными собраніями гласные составляютъ губернское земское собраніе. Уѣздное собраніе избираетъ также уѣздную, а губернское—губернскую земскую управу, — свои исполнительные органы. Такова, въ общихъ чертахъ, несложная организація земскихъ учрежденій.

Такимъ образомъ, и на основаніи закона, земство составляютъ разныя группы осѣдлаго, то-есть постоянного и заинтересованнаго въ мѣстныхъ нуждахъ мѣстнаго населенія. Это населеніе, чрезъ своихъ представителей, избираетъ свои органы, извѣстные подъ названіемъ земскихъ учрежденій. Объектомъ дѣятельности земскихъ учрежденій являются и дѣль мѣстные интересы (пользы и нужды), общіе для всего населенія или по крайней мѣрѣ для большинства его. Такое понятіе совершенно совпадаетъ съ нашимъ опредѣленіемъ земства и его функций. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ помѣщено въ разрядѣ учрежденій общественныхъ; уже одно это ясно указываетъ на ихъ общественный характеръ.

II.

Конечно, самые закорузлые обскуранты не рѣшатся утверждать, чтобы въ Сибири не было интересовъ и нуждъ, указанныхъ въ 1818 ст. Общ. Губ. Учр., или чтобы мѣстное населеніе не было связано съ ними. Ни для кого также не тайна, что многіе изъ этихъ интересовъ далеко не удовлетворяются при нынѣшнемъ порядкѣ. Возьмемъ, на примѣръ, дороги. Одинъ такъ называемый московскій трактъ, то-есть большая почтовая дорога, составляетъ здѣсь огромное протяженіе въ 10,500 вер. *) Только часть этого пути совершается въ лѣтнее время водою, на пароходахъ,—именно 2800 вер. отъ Срѣтенска до Николаевска. Сообщеніе между ст. Качугской и Якутскомъ, на протяженіи 2600 вер., также идетъ водою; но что это за сообщеніе? Почта и проѣзжающіе перевозятся отъ станціи до станціи на лодкахъ, содержаніе которыхъ и перевозка на нихъ обязательно лежитъ на прибрежномъ населеніи, составляетъ для него (особенно тяга противъ теченія) чрезвычайную тяжесть и, между прочимъ, затрудняетъ развитіе въ этомъ населеніи земледѣлія и другихъ видовъ сельской промышленности. Почтовый трактъ между Томскомъ и Тюменью проходитъ и лѣтомъ по грунтовой дорогѣ, хотя между этими

*) Отъ Иркутска до Тюмени 3515 вер., до Якутска 2818 вер., до Николаевска 4162 вер. Свѣдѣній о разстояніи отъ Иркутска до Владивостока у насъ подъ рукою нѣтъ.

городами существуетъ водяное сообщеніе. Содержаніе всего сухопутнаго тракта и лѣтомъ и зимою составляетъ натуральную повинность мѣстнаго населенія. Какъ-равномѣрно и необременительно распредѣляется эта повинность, достаточно указать на то, что, на примѣръ, въ шестидесятихъ годахъ крестьяне Назаровской волости каинскаго округа были обязаны содержать дорожный участокъ въ иткульской волости, то-есть за 300 верстъ. Были опыты устройства дорогъ подрядомъ. Такъ, на примѣръ, въ 1876 г. была устроена дорога между ст. Кабанской и Боярской (въ Забайкальской области). Устройство ея обошлось земскому сбору въ 36 т. р., а черезъ мѣсяцъ послѣ приѣма ея отъ подрядчика былъ назначенъ чрезвычайный нарядъ крестьянъ и бурятъ для исправленія ея: такъ хорошо она была устроена. Большіе мосты также устраиваются на счетъ земскаго сбора и также большею частью передѣлываются населеніемъ, если не въ самый годъ ихъ постройки, то на слѣдующій. Тамъ, гдѣ есть возможности, крестьяне обыкновенно объѣзжаютъ эти инженерныя сооруженія. Капитальное исправленіе дорогъ обыкновенно производится лѣтомъ, когда населеніе занято полевыми работами. Заботиться объ исправномъ содержаніи большихъ дорогъ большинству населенія нѣтъ никакого интереса, потому что, за исключеніемъ придорожныхъ жителей, оно по этимъ дорогамъ не ѣздитъ, да и придорожные жители охотно довольствовались бы менѣе трудными для устройства и поддержки дорогами. Понятно, что населеніе старается всѣми мѣрами отдѣлаться отъ этой повинности, или по крайней мѣрѣ облегчить ее для себя. Отсюда разныя злоупотребленія, выгодныя только для чиновъ земской полиціи. Но, кромѣ этихъ обыкновенныхъ нарядовъ, бываютъ еще чрезвычайные, когда ожидается проѣздъ губернатора или какой нибудь другой важной особы. Нужно признаться, что послѣ такихъ чрезвычайныхъ нарядовъ дороги бываютъ настолько удовлетворительны, что по нимъ нѣкоторое время можно ѣздить безъ опасенія за свои бока; за то во всякое другое время онѣ, за немногими исключеніями, особенно послѣ дождей, изъ рукъ вонъ плохи. Таковы результаты содержанія дорогъ натурой. Но вопросъ объ обращеніи дорожной повинности въ денежную и устройствѣ и содержаніи дорогъ подрядомъ, требуетъ также серьезнаго обсужденія, и рѣшать его нужно съ большою осторожностью. Вѣдь дороги все-таки придется исправлять лѣтомъ, когда свободныхъ рукъ или нѣтъ вовсе, или онѣ очень дороги. Понятно, что и подрядчикъ постарается получить барышъ. Поэтому расходъ на содержаніе дорогъ можетъ возрасти до огромной цифры и упасть всею своею тяжестью на то же населеніе. Притомъ онъ можетъ быть также неравномѣренъ, какъ и натуральная повинность, если крестьянинъ, который и въ глаза не видалъ большой дороги, будетъ платить на содержаніе ея столько же, какъ и тотъ, кто постоянно по ней ѣздитъ. Такимъ образомъ, одно уже устройство и содержаніе большой дороги представляетъ нѣсколько вопросовъ, существенно важныхъ для мѣстнаго населенія.

Приведемъ еще случай—изъ области мѣръ къ обезпеченію народнаго здоровья. Недавно было сдѣлано распоряженіе о томъ, что Иркутскій окружный врачъ командированъ къ временному исправленію должности окружнаго сельскаго врача («Ирк. Губ. Вѣд.» № 25). Что это значитъ?—спроситъ незнакомый съ дѣломъ читатель. Развѣ окружный врачъ и безъ того не обязанъ лечить крестьянъ въ округѣ? или, получая

жалованье по двумъ должностямъ, онъ удвоить свою дѣятельность, сдѣлаетъ сорокъ восемь часовъ изъ сутокъ? Ничего не бывало. Дѣло въ томъ, что должность сельскаго врача была вакантна, слѣдовательно ассигнованныя на эту должность деньги могли оставаться никому невыданными; такъ зачѣмъ-же имъ оставаться въ земствѣ? Въ сущности, обязанности окружнаго и сельскаго врача совпадаютъ; поэтому, совмѣщеніе этихъ должностей въ одномъ лицѣ есть не что иное, какъ бесполезная трата земскихъ денегъ. Едва ли это было-бы возможно при существованіи земскихъ учреждений.

Мы могли-бы привести подобныя примѣры и изъ другихъ видовъ земской дѣятельности. Но примѣры излишни. Кто же не знаетъ, напримѣръ, что народное образованіе въ Сибири находится въ самомъ жалкомъ состояніи, что на санитарную часть, не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ, не обращается почти никакого вниманія, что въ Западной Сибири постоянно свирѣпствуютъ эпизоотіи, и пр. и пр.

Но, скажутъ, вопросъ не въ этомъ. Всякій знаетъ, что тѣ мѣстныя нужды, для удовлетворенія которыхъ существуютъ земскія учрежденія, есть и въ Сибири. Дѣло въ томъ, есть ли въ ея населеніи тѣ общественныя элементы, которые могли бы служить къ образованію земскихъ учреждений? не находится ли Сибирь въ такомъ положеніи, что попеченіе объ ея мѣстныхъ потребностяхъ можетъ быть возложено только на администрацію?

Въ областяхъ съ чрезвычайно рѣдкимъ и почти исключительно инородческимъ населеніемъ, находящихся на окраинахъ Сибири (Якутская, Амурская, Приморская и степныя), въ введеніи земскихъ учреждений можетъ быть и встрѣтятся серьезныя затрудненія. Поэтому мы и оставимъ ихъ въ сторонѣ. Будемъ говорить только о четырехъ сибирскихъ губерніяхъ и области Забайкальской, положеніе которыхъ вообще болѣе извѣстно. Населеніе этихъ губерній и области гораздо многочислѣе населенія Олонцкой губ., гдѣ земскія учрежденія давно уже введены, и Архангельской, гдѣ ихъ предполагается ввести *). Въ огромномъ большинствѣ это—чисто русское, осѣдлое и земледѣльческое населеніе, сохраняющее, и въ своемъ быту, и въ своихъ экономическихъ условіяхъ, типическія черты коренныхъ русскихъ крестьянъ. Таковы, между прочимъ, и казаки, несмотря на ихъ военную организацію **). Въ городахъ также живетъ преимущественно осѣдлое русское населеніе, составляющее довольно значительный процентъ всей его массы ***). Большинство инородцевъ въ Тобольской, Томской и Енисейской губерніяхъ—татары, живущіе осѣдло и занятые преимущественно торговлей и сельскимъ хозяйствомъ; въ Иркутской губерніи и Забайкальской обла-

*) По календарю Суворина на 1881 годъ показано населеніе: Енисейской губ. въ 372 т., Иркутской въ 379 т., Тобольской 1.087 т., Томской 839 т., Забайкальской обл. 431 т. Населеніе Олонцкой губ. составляло 297 т., Архангельской 281 т.

**) Казаки сибирскаго казачьяго войска, кажется, составляютъ въ этомъ случаѣ исключеніе: въ нихъ слишкомъ долго подавлялись сельско-хозяйственныя наклонности. Но они только ничтожною частью могутъ входить въ составъ названныхъ губерній—если только будутъ входить.

***) Именно въ губерніяхъ: Енисейской 8°, Иркутской 11,2°, Тобольской 4°, Томской 8,3° и Забайкальской обл. 4,2° всего населенія. Въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, этотъ процентъ гораздо ниже (напр. въ Вятской, 2,6°).

сти—кочевники, но кочевники на небольшихъ пространствахъ, съ явнымъ стремленіемъ усвоить себѣ привычки осѣдлой жизни, а въ Иркутской губерніи—и съ значительно развитымъ земледѣліемъ. Неосѣдлую и незаинтересованную въ мѣстныхъ нуждахъ часть населенія составляютъ только пріѣзжіе чиновники и бродячіе инородцы, по числу ихъ относительно ничтожно. Точно также въ сравненіи съ массой остальнаго населенія ничтожно и число дѣйствительно находящихся палицо ссыльныхъ, которые во всякомъ случаѣ не могли бы считаться земскимъ элементомъ. За этими исключеніями почти все сибирское населеніе участвуетъ въ земскихъ повинностяхъ.

Налицо, значить, есть два земскихъ элемента: городской и сельскій. Къ послѣднему должно присоединить и кочевыхъ инородцевъ, которые владѣютъ землями на равныхъ правахъ съ крестьянами и сходны съ ними по роду занятій. Недостаетъ элемента землевладѣльческаго. Есть, правда, и онъ, въ лицѣ владѣльцевъ пожалованныхъ или проданныхъ земель, и разныхъ заводовъ и фабрикъ; но во всякомъ случаѣ этотъ элементъ рѣдокъ и ничтоженъ. Что же? неужели онъ такъ необходимъ, что одно только отсутствіе его должно остановить введеніе у насъ земскихъ учреждений? и неужели для того, чтобы эти учрежденія были у насъ введены, мы должны прежде хлопотать о введеніи у себя частнаго землевладѣнія, а пока оно не разовьется,—сидѣть у моря и ждать погоды? Въ Сибири, дѣйствительно, есть защитники частнаго землевладѣнія—именно купечество и устарѣлые теоретики-чиновники. Именно для того, чтобы ввести и расширить его, они готовы затормозить и введеніе земскихъ учреждений—разумѣется, насколько это отъ нихъ зависитъ.

Въ сущности, личное землевладѣніе вовсе не должно составлять особаго земскаго элемента; это не что иное, какъ особый видъ сельскаго элемента. Оно, какъ и послѣдній, представляетъ не торговлю и обрабатывающую промышленность и не какой-нибудь другой экономической факторъ, а владѣніе и пользованіе землею. Если оно выдѣлено изъ общаго сельскаго состава, то, безъ сомнѣнія, только потому, что интересы личныхъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ-общинниковъ могутъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ противоположны, и что въ 1864 г., когда издавалось «Земское Положеніе», была еще необходимость дѣлать уступки сословнымъ стремленіямъ и притязаніямъ дворянства. Могли быть также и нѣкоторыя практическія неудобства въ слитіи помѣщичьяго и крестьянскаго элементовъ. Но ясно, что тамъ, гдѣ одного изъ этихъ элементовъ не существуетъ, не можетъ и быть ни противоположности его интересовъ съ другими, ни указанныхъ здѣсь стремленій и неудобствъ. Притомъ опыты внутреннихъ губерній уже достаточно показали, что землевладѣльческій элементъ вовсе не заключаетъ въ себѣ зачатковъ успѣшной дѣятельности земскихъ учреждений. Учрежденія эти гораздо съ большею пользою дѣйствуютъ именно тамъ, гдѣ землевладѣльческій элементъ или вовсе отсутствуетъ по своему безучастію къ земскому дѣлу, или представляетъ ничтожное меньшинство,—то-есть въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ въ земскихъ учрежденияхъ преобладаетъ крестьянство. Напротивъ, земства съ преобладающимъ землевладѣльческимъ элементомъ постоянно проявляютъ ретроградныя и крѣпостническія стремленія.

Поэтому мы думаемъ, что слабость землевладѣльческаго

элемента въ однѣхъ, и совершенное отсутствіе его въ другихъ мѣстностяхъ Сибири, нисколько не можетъ препятствовать введенію земскихъ учреждений въ тѣхъ четырехъ губерніяхъ и одной области, гдѣ русское и осѣдлое земледѣльческое населеніе имѣетъ рѣшительный перевѣсъ надъ инороднымъ.

В—гинъ.

ХРОНИКА.

Въ отвѣтъ на замѣтку, помѣщенную у насъ о нерчинскихъ рудникахъ и горнозаводскомъ дѣлѣ, мы получили письмо отъ одного инженера, съ приложеніемъ специальной статьи о нерчинскихъ рудникахъ, имѣющей быть помѣщенной въ специальномъ органѣ.

Въ этой запискѣ и статьѣ, между прочимъ, приведены данныя, что нерчинскіе серебро-свинцовые рудники съ 1801 по 1840 годъ давали еще доходъ отъ 150 до 216 тысячъ, но съ 1840 по 1866 годъ работали съ значительнымъ убыткомъ, съ 1866 по 1880 годъ убытокъ не превысилъ 4 тыс. рублей. Въ послѣднія десять лѣтъ употреблено расходовъ на серебряное производство 632,193 р. 18¹/₄ к., а металловъ, серебра и свинца, добыто на 642,982 р. 40¹/₄ к.

До 1850 года рудники и заводы были вполнѣ обеспечены въ хозяйственномъ отношеніи и къ нимъ было приписано 29,000 крестьянъ, записанныхъ послѣ въ забайкальскіе казаки, но съ освобожденіемъ крестьянъ дѣла измѣнились.

Изъ этой картины нельзя заключить, чтобы рудники процвѣтали. Добыча золота получила первенство и г. инженеръ пишетъ, что съ открытіемъ золота благосостояніе населенія было подорвано: тяжкія усиленныя работы на промыслахъ, подъ игомъ суровой и нерѣдко жестокой администраціи, разстроили бытъ населенія, но при рудникахъ будто бы ничего этого не было.

Судя по описаніямъ г. Максимова и другихъ, мы сомнѣваемся, такъ ли это было дѣйствительно.

Съ начала золотопромышленности въ Нерчинскомъ округѣ добыто лигатурнаго золота съ 1870 по 1882—1,627 пуд., на сумму 27,834,206 кред. руб., употреблено расходовъ 17,660,519 кр. р., получено прибыли въ 11 лѣтъ 10,173,687 кред. руб. или по 924,880 р. въ годъ.

Цифры эти скорѣе подтверждаютъ мнѣніе о выгодахъ золотого дѣла предъ рудниками, но Г. инженеръ повидимому не согласенъ съ этимъ. Въ заключеніи авторъ письма выражаетъ слѣдующія сѣтованія: „Крайне грустно думать, говорить онъ, что добросовѣстное отношеніе къ частной промышленности скорѣе ожидается отъ лицъ (частныхъ?), составляющихъ ея руководителей, чѣмъ отъ инженеровъ, получившихъ высшее въ Россіи специальное образованіе, которыхъ огуломъ считаютъ людьми безчестными. Но правда ли это? Нѣтъ ли другихъ причинъ, которыя тормазятъ казенную промышленность, ставятъ ее на почву канцелярской администраціи, ложныхъ отчетовъ и (предоставляютъ ее) ловкости людей, умѣющихъ ловить рыбу въ мутной водѣ“?

Мы не знаемъ, какія причины, по мнѣнію г. инженера, тормазятъ казенную промышленность, но какъ приводимыя цифры, такъ и исторія рудниковъ не говорятъ въ пользу этого дѣла. Казенные заводы и рудники, какъ видно, пережили разныя системы; было время, когда управляющіе были вполнѣ уполномоченными, суммы отпускались имъ безконтрольно, смѣты основывались на довѣріи, но выходилъ ли изъ этого толкъ? Казенныхъ инженеровъ и специалистовъ никто не унижаетъ въ смыслѣ знанія. Вся суть въ началахъ производства: при какихъ условіяхъ извѣстное хозяйство и производство можетъ быть производительнѣе и давать болѣе дохода для государства? Одни отвѣчаютъ: „при частной инициативѣ и вольномъ трудѣ“. И нельзя здѣсь отрицать доли истины. Частный предприниматель заинтересованъ въ своемъ доходѣ и старается выручить болѣе, его производство должно окупаться. Не то казенный промыселъ. Даетъ ли производство доходъ или идетъ въ убытокъ, управляющему инженеру все равно. Онъ не хозяинъ и не предприниматель. Цѣль его, какъ управляющаго, выхлопотать на розыски, на орудія, большой оборотный капиталъ и избавиться отъ контроля. Отсюда жалобы инженеровъ, что ихъ стѣсняютъ формальностями. Такъ будетъ, вѣроятно, продолжаться всегда.

Авторъ письма о частной промышленности отзывается такимъ образомъ: „У насъ, въ Сибири, частная предпринимчивость пока выразилась золотопромышленностью; ея атрибутами является обогащеніе нѣкоторыхъ, обѣднѣніе отъ нея большинства, упадокъ нравственности, суровая эксплуатація рабочей силы, винокуреніе, хищничество золота и кабаки. Всѣ отрадные послѣдствія частной золотопромышленности въ Сибири придуть, можетъ быть, послѣ насъ, когда подъ значеніемъ капитала не будутъ понимать, пока эфемерныхъ, и знанія, и почета, когда въ дѣйствительности въ немъ преобладаютъ невѣжество, кулачество и кумовство“.

Мы не защитники существующей эксплуататорской системы въ золотопромышленности*). Измѣненіе существующихъ началъ необходимо, какъ и устраненіе всѣхъ злоупотребленій. Если бы г. инженеръ указалъ лучшія основанія для частнаго дѣла и вольнаго труда, мы первые согласились бы съ этимъ. Но предпочитать частной промышленности и свободѣ промысла старое казенное хозяйство, давшее одни убытки казѣ и Кабинету, и рекомендовать эти начала впредь мы, по совѣсти, считаемъ рискованнымъ, не будучи заинтересованы лично въ этомъ дѣлѣ.

О поведеніи нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ въ Сибири мы получили слѣдующее письмо изъ Енисейска, характеризующее мѣстные таежныя нравы. „Одинъ изъ золотопромышленниковъ—Разуваевыхъ устроилъ недавно интересную охоту, и какъ думаете, на какого звѣря? Не отгадать вамъ, не потому, однако, чтобы Разуваевъ не могъ разобратъ между множествомъ звѣрей, обитающихъ въ дремучей тайгѣ, а потому, что Разуваевъ своего рабочаго считаетъ звѣремъ. Но къ дѣлу.“

У одного золотопромышленника С— бѣжалъ рабочій, песковой забойщикъ, крестьянинъ Ачинскаго округа, Назаровской волости, с. Назаровскаго, Павелъ Смокатовъ. 4-го или 5-го августа онъ былъ пойманъ на р. Дытнѣ въ верстѣ разстоянія отъ александровскаго пріиска Востротина. Облаву на Смокатова составили: хозяинъ его С—, депутатъ иннокентіевскаго пр., котораго фамилія происходитъ отъ названія дня, въ онъ же Богъ почилъ отъ дѣлъ послѣ сотворенія міра, что не мѣшаетъ депутату не почивать, но охотиться на пріисковаго рабочаго, созданнаго по образу и подобию Божію. Депутатъ участвовалъ въ облавѣ въ качествѣ добровольца. Третьимъ охотникомъ былъ по обязанности службы казакъ иннокентіевскаго пріиска. С—, животное изъ породы куколей, удачно закинулъ арканъ на Смокатова, и конь волокъ его 16 верстъ, большею частію лежащаго на землѣ, до иннокентіевскаго пріиска, за версту до котораго, во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться совершенно ненужныхъ свидѣтелей, Смокатовъ былъ развязанъ. Оттуда С— лично увезъ Смокатова въ телѣгѣ домой на ново-маріинскій пріискъ. Здѣсь на Смокатова бросился тестъ С—, звѣрь изъ той же породы, и избилъ рабочаго до полусмерти. Даже С—, который волокъ Смокатова на арканѣ, унималъ тестя, боясь, чтобы рабочій не умеръ отъ побоевъ. Черезъ три дня, давъ Смокатову время нѣсколько очувствоваться, С— отправилъ его къ исправнику уже съ казакомъ маріинскаго пріиска, а не иннокентіевскаго, такъ какъ казакъ послѣдняго пріиска былъ свидѣтелемъ облавы. Исполнявшій должность исправника не счелъ нужнымъ пригласить лекаря для осмотра избитаго и отправилъ его въ больницу екатерининскаго пріиска, гдѣ Смокатовъ лежитъ до сихъ поръ весь въ синевцахъ и царалинахъ. Смокатовъ 1-го іюля долженъ былъ хозяину своему С— около 25 рублей (что видно изъ расчетнаго листа), слѣдовательно во время побѣга долгъ его былъ незначительный. Смокатовъ говоритъ, что бѣжалъ съ пріиска вслѣдствіе варварскаго обхожденія съ рабочими хозяина и его тестя.

Вотъ какія возмутительныя вещи творятся на пріискахъ! Послѣ того нѣтъ ничего удивительнаго, что машинистъ Молодцевъ бросилъ ломъ въ хозяина своего С—, удивительно только, какъ тестъ этого С— остался живъ послѣ 12 ударовъ ломомъ и послѣ того, какъ ему рабочіе прорѣзали пожемъ до кости часть тѣла, на-

*) Мы знаемъ, что часто золотопромышленники въ родствѣ съ мѣстными администраторами, поэтому прикрывается много злоупотребленій, напр. въ Восточной Сибири. Достаточно припомнить родство Базанова.

значенную для сидѣнія. Подобныя расправы выведенныхъ изъ терпѣнія рабочихъ вполне понятны надъ такими хозяевами, какъ С— съ тестемъ, подъ покровительствомъ вальета-уполномоченнаго компаніею, у которой арендуются пріиски.

Неужели однако нѣтъ никакихъ средствъ обуздать золотопромышленниковъ? Для чего существуетъ на пріискахъ полицейская власть въ образѣ временно-командированнаго къ отправленію должности горнаго исправника, отставнаго чиновника, хотя и безграмотнаго, но имѣющаго дипломъ изъ сморгонской академіи, присланный ему чрезъ полицейское управленіе *)? Почему онъ даже не нашелъ нужнымъ позвать пріискаго врача для освидѣтельствованія избитаго Смокатова? Нельзя же судить по тому субъекту, который могъ обойтись безъ доктора, когда одинъ бывший помощникъ исправника (Толвинскій) отдулъ его нагайкой на платоновскомъ пріискѣ; изъ этого не слѣдовало, что не нужно помощи и защиты Смокатову, 16 верстъ влекомому на арканѣ С— и до полусмерти избитому его тестемъ. Долго ли еще подобныя вопіющія звѣрства будутъ практиковаться надъ рабочими, и долго ли сморгонскіе воспитанники будутъ сохранять въ секретѣ эти поступки золотопромышленниковъ?

Изъ Омска дошли слѣдующіе слухи. Одинъ педагогъ, не столько даровитый, сколько нравоучительный, убоясь женскаго образованія, прочелъ рядъ лекцій противъ стремленія гимназистокъ къ высшему женскому образованію. И откуда это такіе чуткіе носы въ провинціи!

Лекціи эти произвели свое дѣйствіе, но какое: говорятъ, мѣстный полиціймейстеръ г. Омска, г. Гомбинскій, началъ оказывать прятствія и задержки отъѣзжающимъ учиться. Почему только г. полиціймейстеръ вообразилъ себя руководителемъ и направителемъ просвѣщенія? Дѣятель, вѣдающій „клоповники“ и извошниковъ, можетъ быть однако не всегда пригоденъ для просвѣщенія.

Вотъ случай, который можетъ служить иллюстраціей иркутской жизни. Въ минувшемъ лѣтѣ, институтка Бунькова была отпущена на каникулы къ своей матери. Проживъ тамъ нѣсколько дней, она бросилась въ Ангару, но была вытащена. Она показала, что хотѣла утопиться отъ ужаса при видѣ той нищеты, въ которой жила ея семья, и которая ожидала и ее по выходѣ изъ института. Если житье въ дѣвичьемъ институтѣ, которое у насъ считается вовсе неудовлетворительнымъ, можетъ казаться блаженствомъ въ сравненіи съ домашнею жизнію, то какова же должна быть эта жизнь?

На слѣдствіе о безпорядкахъ на базановскихъ пріискахъ посланъ чиновникъ гл. упр. Осташкинъ. Онъ еще не возвратился. Говорятъ, рабочіе на другой день послѣ безпорядковъ отирались на работы, какъ ни въ чемъ не бывало. Повидимому, это была минутная вспышка, вызванная придирками казаковъ и безтактностью Пашенки. Тѣмъ не менѣе, по слухамъ, нѣсколько (кажется, 18) чело-вѣкъ рабочихъ закованы въ кандалы и 300, въ наказаніе, рассчитаны раньше срока.

5-го сентября, въ Иркутскѣ происходили выборы предѣдателя общества пособія учащимся. Выбранъ А. М. Шестаковъ. Конечно, этому обществу нужно пожелать больше средствъ, но и больше такта, и болѣе внимательнаго отношенія къ нуждамъ учащихся. Въ столицѣ многіе бѣдствующіе учащіеся ждутъ не дождутся помощи. Мы знаемъ много случаевъ, когда общество не приходитъ на помощь.

Нѣсколько словъ въ № 18 „Вост. Об.“ о камчатскомъ бобрѣ, поднесенномъ кому-то начальникомъ одного учрежденія, произвели большое впечатлѣніе на нѣкоторыхъ членовъ иркутскаго географическаго отдѣла. Они приняли эти слова на свой счетъ и тотчасъ принялись за научныя изысканія. Оказалось, что въ отдѣлѣ дѣйствительно было что-то подобное; только былъ подаренъ не камчатскій бобръ, а котикъ, и даже не котикъ, а песецъ (ошибочно присланный вмѣсто котика), и песецъ этотъ красуется на воротникѣ не у шалона, а у чьей-то горничной. (Скажите кто бы могъ ожидать?). Вѣроятно, въ редакцію будетъ прислано опроверженіе. Вотъ упрекаютъ иркутскій отдѣлъ въ недостатокѣ научной дѣятельности. Упражненія отдѣла въ строительномъ искусствѣ и его изысканія о

*) Фактъ дѣйствительный, совершенный какимъ-то шутникомъ.

камчатскомъ бобрѣ блистательнѣйшимъ образомъ опровергаютъ это мнѣніе.

Извѣстіе это во-первыхъ тѣмъ интересно, что показываетъ чѣмъ занимается мѣстное ученое общество, во-вторыхъ оно радуется насъ, что мы облегчили розысканіе, сдѣланнаго пожертвованія въ музей отдѣла.

Намъ пишутъ, что иркутская цензура не жалуется „Восточное Обозрѣніе“, почти всѣ перепечатки изъ него вычеркиваются.

Какъ это горько слышать. Чѣмъ мы это заслужили? Неужели виною всему воротникъ?—Ахъ!..

300-лѣтіе Сибири побудило нѣкоторыхъ мѣстныхъ тружениковъ и изслѣдователей издать къ этому времени различныя описанія. Недавно мы видѣли готовящійся къ изданію почтенный трудъ по исторіи и хронологіи Сибири г. Щеглова, учителя иркутской гимназіи.

Нынѣ мы считаемъ долгомъ довести до свѣдѣнія, что г. Подвысоцкій изъ Енисейска окончилъ трудъ „Описаніе Енисейской губерніи“ и ищетъ возможности издать его. Описаніе Енисейской губерніи въ современномъ положеніи можетъ имѣть особую цѣну и послужить почтеннымъ вкладомъ въ мѣстную литературу.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Иркутскъ, 4 августа 1882 года (корресп. «Вост. Обозр.»).
Здѣшній банкъ Елизаветы Медвѣдниковой принадлежитъ къ старѣйшимъ кредитнымъ учрежденіямъ въ Россіи. Онъ основанъ на капиталъ въ 50.000 руб. ассигн., пожертвованный въ 1835 г. почетнымъ гражданиномъ И. А. Медвѣдниковымъ. Цѣль банка—развитіе торговли и промышленности г. Иркутска, и доставленіе средствъ на содержаніе воспитательнаго заведенія для дѣвочекъ, называемаго «Сиропитательнымъ домомъ Е. Медвѣдниковой. Хотя банкъ и называется «частнымъ», но, въ сущности онъ городской общественный банкъ, какъ по цѣли его учрежденія, такъ и потому, что имъ управляютъ лица, избираемые городскимъ обществомъ и, что одно только городское общество можетъ регулировать и контролировать его операціи. Такъ смотритъ на него и министерство финансовъ, помѣщая этотъ банкъ постоянно въ числѣ городскихъ общественныхъ. Названіе «частнаго» присвоено ему только для отличія отъ казенныхъ банковъ.

Немудрено, что въ теченіи слишкомъ сорокалѣтняго существованія банка при той монополіи, какою онъ пользовался въ Иркутскѣ до 1865 г., когда здѣсь не было никакихъ другихъ кредитныхъ учрежденій, капиталъ банка и его операціи разрослись до огромныхъ размѣровъ. Къ 1-му января 1882 г. онъ имѣлъ 680,000 руб. основнаго и 482,000 руб. запаснаго капитала; въ счетъ этого капитала было 762,000 руб. государственными % бумагами и около 400,000 руб. наличными деньгами и въ текущемъ счетѣ; вклады изъ процентовъ составляли 4½ милліона, ссуды и учетъ векселей слишкомъ 5 милліоновъ, оборотъ кассы въ 1881 году около 15 милліоновъ. Такія цифры подавляютъ своею внушительностью.

И однако-жъ, какъ ни блистательны обороты банка по его отчетамъ, а неблагодарные иркутяне все еще недовольны банкомъ, который беретъ отъ нихъ и раздаетъ имъ по пяти милліоновъ. Время отъ времени между мѣстными жителями возникаютъ невыгодные для банка толки. То будто бы капиталы его розданы подъ векселя въ ненадежныя руки; то будто бы платежи по векселямъ вовсе не дѣлается, а только замѣняются старые векселя новыми, денежный-же оборотъ показывается только по бухгалтерскимъ книгамъ; то будто бы члены банка сами пользуются кредитомъ въ немъ чрезъ подставныхъ лицъ; то будто бы даже людямъ, нуж-

дающимся въ денежныхъ бумагахъ для залоговъ, банкъ выдаетъ подъ учетъ векселей вмѣсто денегъ свои билеты; то будто бы дѣлаются ссуды подъ залогъ деревянныхъ домовъ, которые ничего не стоятъ и у которыхъ, вопреки уставу, даже нѣтъ каменнаго фундамента. Но чаще всего возникаютъ и упорнѣе всего держатся слухи о томъ, что банкъ открылъ обширный кредитъ нѣкоторымъ личностямъ, которыя не пользуются въ торговомъ мѣрѣ блестящею репутаціей; что капиталы банка, вмѣсто того, чтобы, согласно уставу, содѣйствовать развитію торговли и промышленности въ Иркутскѣ, уходятъ на золотопромышленныя предпріятія, т.-е. вовсе не на мѣстную иркутскую промышленность, и что это обстоятельство служитъ одною изъ главныхъ причинъ упадка въ Иркутскѣ всякаго рода производящей и обрабатывающей промышленности... Трудно рѣшить, насколько вѣроятны такіе слухи; трудно потому, что дѣла и обороты банка составляютъ заповѣдную тайну для непосвященныхъ, а серьезная ревизія отчетовъ его думскою комиссіей была произведена, кажется, только за одинъ 1876 (или 1877) годъ; но и тутъ единственнымъ результатомъ ревизіи была только до неприличія горячая полемика между членами ея и членами банка: въ 1879 г. все это сторѣло. Всѣ отчеты за позднѣйшее время валяются въ думѣ или въ ея комиссіяхъ. Они остаются за нѣсколько лѣтъ неутвержденными, и объ этомъ не думаютъ ни гласные, ни сами члены банка, на которыхъ такимъ образомъ можетъ выплыть когда-нибудь сто-тысячный начетъ въ такое время, когда они этого и не ожидаютъ. Можно сказать только, что если бы всѣ нять милліоновъ, которые раздаются банкомъ въ ссуду, употреблялись дѣйствительно на развитіе мѣстной торговли и промышленности, то эти виды экономической дѣятельности находились бы не въ такомъ положеніи, какъ теперь.

Но если, по неизмѣннѣ даннымъ, трудно повѣрить справедливость приведенныхъ выше слуховъ, то изъ самыхъ отчетовъ болѣе знающіе не одну только двойную бухгалтерію люди могутъ убѣдиться, что въ немъ далеко не все идетъ такъ, какъ слѣдуетъ. Кредитъ банковыхъ учрежденій держится на педантически точномъ исполненіи ихъ уставовъ. Разъ банкъ отступилъ отъ устава, — ему уже трудно довѣрять, потому что нѣтъ ручательства, чтобы онъ не сдѣлалъ и другихъ, существенно вредныхъ для его кліентовъ, отступленій. А банкъ Медвѣдниковой дѣлаетъ отступленія отъ устава, и притомъ не маленькія. По уставу, казенные и общественные вклады принимаются въ банкъ безъ ограниченія; но сумма частныхъ вкладовъ должна быть опредѣлена городскимъ обществомъ. Городское общество опредѣлило размѣръ частныхъ вкладовъ въ 800 т. р.; этотъ же размѣръ подтвердила и нынѣшняя городская дума. Въ прежнее, но уже давно прошедшее время, банкъ строго держался этого правила. На этомъ основаніи и въ отчетахъ его частные вклады показываются отдѣльно отъ казенныхъ и общественныхъ. Но съ 1874 года поступающіе вновь вклады стали показываться безъ этого раздѣленія и въ настоящее время изъ отчетовъ вовсе нельзя видѣть, какая сумма частныхъ вкладовъ заключается въ общей цифрѣ 4½ милліоновъ. Частные вклады такимъ образомъ замаскированы; трудно допустить, чтобы казенные и общественные вклады составляли 3,700 т., такъ какъ казенные вклады давно уже вносятся въ отдѣленіе государственнаго банка. Городская дума, въ виду такого несоответствія суммъ дѣйствительныхъ вкладовъ съ разрѣшеннымъ его размѣромъ и другихъ неправильностей въ дѣйствіяхъ банка, уже нѣсколько лѣтъ назадъ, протоколомъ 5 ноября 1876 г., подтвердила банку принять мѣры къ восстановленію порядка и, между прочимъ, не увеличивать суммы частныхъ вкладовъ безъ ея разрѣшенія. Тѣмъ не

менѣе онъ продолжаетъ принимать новые вклады, и въ одномъ 1881 г. сумма ихъ увеличилась на 74 т. р. Банкъ, значить, не слушается думы.

По уставу, чистыя прибыли банка должны причисляться къ его капиталамъ (основному и запасному). Но банкъ самовольно изобрѣлъ еще особый капиталъ, не принадлежащій къ числу собственныхъ капиталовъ банка, подъ названіемъ «капитала на погашеніе безнадежныхъ долговъ». Въ 1881 г. въ этотъ капиталъ отчислено 20% изъ прибылей, и онъ составлялъ къ 1882 г. 166 т. р. Изъ этого капитала уплачиваются въ банкъ тѣ вексельные долги, взысканіе которыхъ окажется безнадежнымъ. Въ 1881 г. ихъ было уплачено 17 т. р. Такимъ образомъ, съ одной стороны, капиталы банка лишаются части слѣдующихъ имъ прибылей (въ 1881 г. на 20%), а съ другой самыя прибыли исчисляются невѣрно, такъ какъ, напримѣръ, въ 1881 г. въ счетъ ихъ зачислено 17 т. руб. изъ такихъ суммъ, которыя, въ сущности, должны составлять собственность банка, взысканіе же по безнадежнымъ векселямъ слѣдовало отнести на тѣхъ, кто принялъ эти векселя къ учету, иначе они составятъ чистый убытокъ банка.

На содержаніе сиропитательнаго дома ассигнуется извѣстная сумма. Эта сумма (34½ т.) и выписана въ расходъ по отчету. Но въ то же время банкомъ, сверхъ этой суммы, слѣдовательно по собственному усмотрѣнію, употреблено на содержаніе сиропитательнаго дома еще 5088 р. 15½ к., частью на такіе расходы, которые уже должны заключаться въ общей суммѣ 34½ т. (учебныя пособія, подарки на актѣ, разные расходы), частью на такіе, которые требовали особаго разрѣшенія (постройка на дачѣ лазарета и кухни) и наконецъ на такіе, которыхъ банку на свой счетъ ни въ какомъ случаѣ принимать не слѣдовало (трауръ надзирательницъ)*).

Банкъ давно уже требуетъ реформы. Чуть-ли еще не въ 1866 г. была составлена комиссія, домашняя, для составленія новаго устава банка. Комиссія эта составила проектъ устава, согласный съ нормальнымъ уставомъ городскихъ общественныхъ банковъ. Проектъ былъ одобренъ городскимъ обществомъ и представленъ на утвержденіе, но дѣло почему-то затянулось. Въ 1873 году этотъ вопросъ пришлось разсматривать уже новой думѣ. Она представила свой проектъ, въ сущности мало отличавшійся отъ прежняго. Дѣло опять затянулось, и только въ концѣ прошедшаго года былъ полученъ запросъ—согласна ли дума на нѣкоторыя измѣненія въ проектѣ, предложенныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Но когда этотъ вопросъ былъ внесенъ въ думу, то произошло что-то невыразимое. Значительное число гласныхъ принялось доказывать, что дума вовсе не имѣетъ права разсуждать о преобразованіи банка, такъ какъ банкъ этотъ—частный, и, по уставу, только совѣту банка предоставлено входить съ ходатайствомъ о преобразованіи его (къ ихъ величайшей досадѣ словечка «только» въ уставѣ не оказалось). Любопытно, что въ числѣ ярыхъ оппонентовъ противъ права думы на обещаніе вопроса о преобразованіи банка были и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые участвовали въ разсмотрѣніи проектовъ въ прежнемъ городскомъ обществѣ и при прежнемъ разсмотрѣніи его въ думѣ, и едва ли даже не участвовали въ комиссіяхъ, составлявшихъ проекты. Дума, однакожъ, не послушалась оппозиціи и постановила свое заключеніе на предложенныя ей измѣненія. Но теперь опять должно ждать, скоро ли

* Вотъ и еще образчикъ дѣятельности банка: домъ, офиціальнй для продажи въ 900 р., былъ принятъ банкомъ въ залогъ въ 3,608 р. 94 к. (Ирк. Губ. Вѣд.).

кончится все это дѣло, а банкъ, между тѣмъ, будетъ оставаться въ прежнемъ положеніи.

Причина, по которой часть гласныхъ противилась разсмотрѣнію въ думѣ проектовъ устава, понятна. По общему уставу городскихъ банковъ, они состоятъ въ непосредственномъ вѣдѣніи и *на ответственности* городского общественнаго управленія. Кромѣ того, и въ директоры, и въ ревизоры банка могутъ быть избираемы не одни только купцы, какъ дѣлается нынѣ, а всякій, имѣющій избирательное право. Ясно, что городское общество будетъ гораздо внимательнѣе относиться къ тому, за что оно обязано отвѣчать, и притомъ не какими-нибудь десятками рублей, а цѣлыми милліонами. Съ другой стороны, хотя при нынѣшнемъ, преимущественно купеческомъ составѣ думы трудно ожидать, чтобы въ управленіе преобразованнымъ банкомъ были избраны люди не изъ того же круга, изъ какого они избираются теперь; но, во-первыхъ, составъ думы можетъ измѣниться, а во-вторыхъ, и при нынѣшнемъ составѣ можетъ случиться, что, если не въ директоры банка, то въ ревизионную комиссію, или въ учетный комитетъ будутъ избраны люди, неимѣющіе общихъ интересовъ ни съ банкомъ, ни съ его обычными дѣльцами. А это многимъ будетъ куда не понутру. Во всякомъ случаѣ, неизбежнымъ послѣдствіемъ реформы банка была бы невозможность того произвольнаго распоряженія банковыми суммами, примѣры котораго указаны выше.

Въ настоящее время необходимы: тщательная и толковая ревизія банка и остающихся еще неразмѣрными его отчетовъ; сокращеніе вкладовъ и учета; обращеніе капиталовъ банка дѣйствительно на мѣстныхъ потребности, присоединеніе капитала на погашеніе долговъ къ запасному; скорѣйшее утвержденіе новаго устава, назначеніе учетнаго комитета, обязательный срокъ для обревизованія отчетовъ и участіе въ дѣлахъ банка неприкосновенныхъ къ операціямъ его лицъ, или, еще лучше, — такихъ лицъ, которые состоятъ кредиторами, а не должниками банка, то-есть вкладчиковъ. Въ думскомъ проектѣ этого не сказано; а между тѣмъ, контроль вкладчиковъ былъ бы едва-ли не самымъ вѣрнымъ средствомъ противъ какихъ бы то ни было банковыхъ увлеченій.

Х.

Изъ Кульджи (корресп. «Восточн. Обозр.»). Усматривая, что по сдачѣ нами Илійской долины китайцамъ, большинство бывшаго населенія оной, какъ осѣлаго, такъ и кочеваго, переходить къ намъ, а земли остаются пустыми и рабочихъ рукъ дайчинская администрація лишается, — цзянь-цзюнь всяческими мѣрами склоняетъ переселенцевъ остаться на ихъ теперешней территоріи. Китайцы даже интригуютъ увлечь изъ нашихъ предѣловъ нашихъ коренныхъ подданныхъ каракиргизовъ и давно здѣсь проживавшихъ калмыковъ-улютовъ. Цзянь-цзюнь успѣлъ уже распространить среди нашихъ бурутовъ (каракиргизовъ) выданные изъ его управленія листы для составленія подушныхъ списковъ и инвентаря имѣющемуся у нихъ имуществу и скоту.

Дѣло въ томъ, что китайцы понимаютъ трактатъ уже черезчуръ въ свою пользу: имъ слѣдуетъ хорошо внушить, что они не имѣютъ права переманивать къ себѣ нашихъ киргизовъ, коренныхъ, исконныхъ нашихъ подданныхъ, а могутъ довольствоваться только тѣмъ, что останется отъ бейджигитовъ, кызаевъ и илійскихъ адбановъ, которые пожелаютъ остаться на китайской территоріи. Правда, что послѣднихъ останется весьма немного, но въ этомъ виноваты не мы, конечно: этимъ обязаны китайцы своей собственной системѣ управленія.

Изслѣдуя факты относительно того, когда буруты находились въ подданствѣ Китая и когда перешли къ намъ, можемъ сообщить,

что они въ подданствѣ Китая никогда не состояли. Еще задолго до Чугучакскаго протокола они изъявили свое подданство Россіи; въ 1855 году, по вступленіи на престолъ Императора Александра II, каракиргизскій почетный киргизъ Качибекъ ѣздилъ въ Омскъ изъявить вѣрноподданническія чувства вступившему на престолъ новому Государю, за что былъ награжденъ чиномъ полковника. Послѣ Чугучакскаго протокола, буруты кочевали только до Урта-музарта и Сюме, тамъ были выставлены китайскіе пикеты и они границы не переходили. Послѣ разгромленія Кульджи таранчами, каракиргизы, тѣснимые при поддержкѣ кокандскихъ хановъ сарыбагышами со стороны Токмака и Пишпека, какъ чуждыхъ имъ русскихъ подданныхъ, убѣгали на востокъ и перешли вышеозначенную границу за Агіязъ, но кочевали тамъ только одно лѣто и одну зиму и были возвращены командированнымъ для этой цѣли, кажется, г. Полторацкимъ въ свои предѣлы, а главные родовичи въ числѣ семи или восьми человекъ, въ томъ числѣ и Тагай, были преданы суду, и оправданы на томъ основаніи, что они подданства неизмѣняли, а только убѣгали отъ грабежей сарыбагышевъ. Послѣ занятія нами Кульджи въ 1871 году, каракиргизы держались тѣхъ-же предѣловъ границы и уже два года спустя, въ 1873-мъ году, когда былъ посланъ на Текесъ Н. А. Аристовъ для распредѣленія кочевокъ между киргизами и каракиргизами, наши каракиргизы стали кочевать за Агіязомъ и на Юлдузѣ. Такимъ образомъ оказывается, что буруты подданными китайскими никогда не были, землями и водами ихъ не пользовались и дани имъ не платили. Правда, изъ богинцевъ три человека (Бурабай, Токсаба и Сарпекъ, нынѣ умершіе) были награждены китайцами красными шариками, но они были награждены за то, что китайцы были близкими сосѣдями съ каракиргизами, а эти послѣдніе часто барантовали и угоняли скотъ у китайскихъ подданныхъ, выше поименованные же трое каракиргизовъ способствовали къ рѣшенію дѣла на съѣздахъ и указывали воровъ.

Собирающіеся уйти изъ нашихъ владѣній въ китайскіе предѣлы калмыки-улюты, по приказанію китайцевъ, устроили было пикеты изъ 10 юртъ въ двухъ мѣстахъ на проведенной уже недавно близъ Нарынколя нашей государственной границѣ съ Китаемъ, съ тою якобы цѣлью, чтобы не были повреждены пограничные столбы. Эти пикеты сняты, по распоряженію нашихъ властей, и улютамъ внушено слушаться приказаній своего русскаго начальства, доколѣ они послѣднимъ управляются.

Бійскъ (корресп. «Восточ. Обозр.»). Не могу не сообщить слѣдующій случай, нынѣшнимъ лѣтомъ разыгравшійся въ деревнѣ Безголосовой, Бійскаго округа. Изъ Змѣиногорска въ Барнаулъ препровождалась партія арестантовъ въ числѣ 42 человекъ, подъ конвоемъ Змѣиногорской отрядной команды. По прибытіи на этапъ 27 человекъ, по преимуществу дунганъ, были выведены изъ этапнаго помѣщенія для отправленія естественной надобности; изъ нихъ 8 дунганъ и одинъ киргизъ, будучи закованы въ ручныя и ножныя кандалы, бросились бѣжать. Тотчасъ же изъ конвоя отдѣлилось 10 человекъ для преслѣдованія бѣгущихъ. Мѣсто, по которому направились арестанты, было открытое и поднималось нѣсколько въ гору. И вотъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этапа произошла страшная сцена. Всѣ 9 человекъ арестантовъ были убиты. Даже тѣ арестанты, которые получили смертельныя раны отъ выстрѣловъ, на мѣстѣ паденія, были добиваемы штыками и прикладами.

Разсказываютъ, что одинъ изъ бѣгущихъ, видя участь товарищей, воспользовавшись суматохою, успѣлъ спрятаться за ворота этапа. Когда все уже было кончено, его замѣтили и вытащили

изъ убѣжища. Тщетно арестантъ, павши на колѣни, молилъ о пощадѣ: ударъ прикладомъ по головѣ и нѣсколько ударовъ штыками прекратили его существованіе. На мѣсто происшествія чрезъ нѣсколько дней прибылъ барнаульскій воинскій начальникъ. Что онъ сдѣлалъ—неизвѣстно.

Мѣстные жители говорятъ, что легко можно было избѣгнуть кровопролитія, если-бы солдаты, не надѣясь на свои силы, обратились за помощью къ крестьянамъ деревни Безголосовой, которые всѣ были дома и многіе изъ нихъ оставались равнодушными зрителями всего происходившаго.

СУДЬБА СИБИРСКИХЪ ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ.

(Письмо изъ Енисейска ¹⁾).

Соединеніе Оби съ Енисеемъ каналомъ—жизненный для Сибири вопросъ, который, по свѣдѣніямъ мѣстныхъ газетъ, будто бы близокъ къ осуществленію, вслѣдствіе ассигнованной уже въ распоряженіе генераль-губернатора суммы; но мы, енисейцы, ближайшіе къ нему сосѣди, о времени приступа къ дѣлу, о дальнѣйшихъ его подробностяхъ совершенно ничего не знаемъ, тогда какъ и вопросъ-то этотъ возникъ по почину мѣстнаго же лица, енисейскаго купца Фунтосова, экспедиція котораго для изслѣдованія водораздѣла между вышеозначенными рѣками вызвала, какъ извѣстно, министерство на посылку двухъ инженеровъ для обслѣдованія его. Со времени посылки этихъ инженеровъ прошло 10 лѣтъ, по истеченіи которыхъ успѣлъ народиться новый проектъ соединенія этихъ рѣкъ посредствомъ уже не канала, а желѣзно-конной дороги на пространствѣ 160 верстъ, отъ рѣки Чулыма до Енисейска по прямой линіи, пройденной другой экспедиціей енисейскаго купца Харченко съ участіемъ мѣстнаго ученаго Маркса. Изслѣдователи уже отправили свои донесенія съ планами пройденной мѣстности во всѣ центральныя и высшія учрежденія, заручившись предварительно согласіемъ общества, и въ концѣ-концовъ самъ творецъ проекта г. Харченко отправился на-дняхъ въ Петербургъ, гдѣ по всей вѣроятности похлопочетъ объ этомъ дѣлѣ, участіе въ которомъ онъ принимаетъ, какъ говорятъ здѣсь, потому, чтобы получить орденъ, подобно своему предшественнику г. Фунтосову. Въ оправданіе же этого проекта выдвигаются конечно выгоды его въ матеріальномъ отношеніи противъ соединенія каналомъ, ремонтъ котораго, по словамъ предпринимателя, потребуетъ большихъ затратъ при мелководіи рѣчекъ, чрезъ которыя долженъ идти путь; а во-вторыхъ, и въ дѣйствительности самое главное, самое существенное для Енисейска, устройство желѣзно-конной дороги на него сохранить и даже увеличить его значеніе, какъ промежуточнаго пункта при транспортировкѣ товаровъ изъ Западной Сибири въ восточную ея половину и наоборотъ, тогда какъ, по мнѣнію проекта, съ устройствомъ канала Енисейскъ потеряетъ или не будетъ имѣть значенія въ новомъ транзитномъ пути, такъ какъ пароходы будутъ только проходить мимо, неостанавливаясь въ немъ. Въ этомъ проектѣ, какъ видитъ читатель, ярко просвѣчиваютъ мѣстные, хищническіе интересы, въ ущербъ общесибирскимъ, такъ какъ устройство желѣзно-конной дороги неминуемо

повлечетъ излишніе расходы по транспортировкѣ, вслѣдствіе перевалки грузовъ съ пароходовъ на дорогу и наоборотъ, не говоря уже о медленности и задержкѣ грузовъ на пристаняхъ, вслѣдствіе недостаточности тѣхъ или другихъ средствъ или вслѣдствіе порчи дороги, что составляетъ нерѣдкое явленіе даже на паровыхъ желѣзныхъ дорогахъ. Первыя же причины, какъ-то: большія затраты на ремонтъ и мелководіе рѣчекъ, позднее открытіе навигаціи и недостаточность рейсовъ едва ли справедливы, потому что изслѣдованія инженеровъ гг. Чалѣева и Аминова и затѣмъ г. Сиденснера ни слова не говорятъ о нихъ, конечно при условіи капитальнаго и полнаго устройства этого пути, а не въ томъ видѣ, какъ онъ предполагенъ правительствомъ, ради скорѣйшаго осуществленія канала для нуждъ торговли; въ такомъ случаѣ очень можетъ быть, что пароходство встрѣтитъ тѣ или другія препятствія, результатомъ чего можетъ быть пріостановка движенія и затѣмъ новыя хлопоты и происки съ желѣзно-конной дорогой. Поэтому крайне желательно, чтобы устройство канала велось рационально по всѣмъ правиламъ техники, неотступая отъ перваго проекта г. Сиденснера, или же правительство, въ противномъ случаѣ, лучше бы присоединилось ко второму, частному проекту, т.-е. къ проведенію желѣзно-конной дороги, которая при всемъ своемъ эгоистично-мѣстномъ характерѣ все же будетъ полезна каналу, по которому не будутъ въ состояніи ходить грузосидящіе пароходы и баржи. Очень можетъ быть, что новый проектъ вызоветъ новое изслѣдованіе министерства, которое еще на нѣсколько лѣтъ отодвинетъ дѣло устройства нашихъ водныхъ внутреннихъ путей, развитіе которыхъ важнѣе чѣмъ внѣшнихъ, морскихъ, черезъ устья сибирскихъ рѣкъ, откуда вывозить нечего, кромѣ какъ сырья, которое, при устройствѣ внутреннихъ водныхъ (пока) путей найдетъ себѣ отличный сбытъ въ Сибири. Очень жаль, что наши сѣверные изслѣдователи, или вѣрнѣе—предприниматели, въ родѣ напр. нашего извѣстнаго сибиряка А. М. Сибирякова, слишкомъ много усердія прилагаютъ къ дѣлу внѣшнихъ путей, можно сказать нѣсколько лѣтъ бесплодно трудясь на крайнемъ сѣверѣ, который никакой осязательной пользы отъ нихъ не видятъ. Извѣстно, что тысячи тратятся имъ на этотъ путь (я не говорю уже о Кюпѣ и К^о, такъ какъ это не наши), а на дѣло внутреннихъ путей почти ничего; предпринимаются только какія-то незначительныя путешествія по Ангарѣ, какъ самого г. Сибирякова, такъ и его довѣренныхъ, изъ коихъ одинъ недавно прибылъ сюда, и цѣли этихъ людей, надо сказать, прикрыты какою-то таинственностію, доказательствомъ чего можетъ служить напр. то, что г. Сибиряковъ въ послѣдній свой пріѣздъ въ Енисейскъ не принялъ одного корреспондента, желавшаго повидаться съ нимъ. Таинственность эта порождаетъ и разные слухи: то Губкинъ и К^о открываетъ сообщеніе по всей Ангарѣ, то Сибиряковъ или правительство хочетъ взрывать пороги, то хотятъ вести желѣзно-конную дорогу въ обходъ главныхъ пороговъ, но въ дѣйствительности все идетъ по старому: плаваютъ тѣ же илискія лодки, которыя не въ примѣръ прежнимъ стали только посмѣлѣе, входя въ самые пороги на парусахъ; тѣ же суда съ чаями, на которыхъ путеслѣдуютъ довѣренные быть можетъ будущаго преобразователя ихъ. Капиталы, употребленные на морское дѣло, которое велось крайне неумѣючи и безтолково, принесли бы уже давно громадную пользу на нашихъ внутреннихъ путяхъ, а на нашемъ крайнемъ сѣверѣ и одному Кюпу съ братіей дѣлать нечего, и вся его работа приносить ему пока только одинъ убытокъ. Участіе г. Сибирякова въ морскомъ пути объясняютъ здѣсь его обиженнымъ, задѣтымъ самолюбіемъ, вслѣдствіе удачнаго прохода судовъ Кюпа и

¹⁾ Помѣстивъ статью г. Маркса о желѣзно-конной дорогѣ, мы одновременно даемъ возможность высказаться и всѣмъ другимъ мѣстнымъ дѣятелямъ по вопросу о путяхъ сообщенія, желая этимъ способствовать разъясненію истины. Настоящая статья принадлежитъ одному изъ лучшихъ знатоковъ мѣстныхъ дѣлъ.

неудачь его пароходовъ, гибель которыхъ приписываютъ здѣсь вліянію иностранцевъ¹⁾, которыхъ почему-то облюбовалъ нашъ сибирякъ. Такъ и изъ послѣднихъ газетныхъ сообщеній видно, что капитаномъ на пароходѣ «Норденшильдъ» все тотъ же иностранецъ (Логансенъ), который долженъ войти въ Енисей и зимовать въ Курейкѣ; товары же съ него, какъ говорятъ здѣсь, должны идти не въ Енисейскъ, а будто бы въ Обдорскъ, гдѣ будетъ жить довѣренный г. Сибирякова, а оттуда куда они пойдутъ—опять-таки ничего неизвѣстно, но вѣроятно куда-нибудь выше по рѣкѣ, такъ какъ въ Обдорскѣ покупать некому; все это вызоветъ новые расходы, которые непроизводительно лягутъ на товаръ, такъ что всей этой басыи и вѣрить нехочется. Желательно бы видѣть поэтому въ дѣйствіяхъ г. Сибирякова побольше гласности, а не однихъ только краткихъ сообщеній о выходѣ его судовъ; вѣдь онъ кажется человѣкъ европейскій и прожилъ порядочно въ Европѣ, хотя главной его кормилицей все та же наша бѣдная, загнанная и приниженная Сибирь.

Доказательствомъ сознанія важности и необходимости внутреннихъ, удобныхъ путей, можетъ служить та радость въ населеніи по поводу такого кажись незначительнаго дѣла, какъ появленіе парохода «Москва» въ Красноярскъ и Минусинскъ, и повѣрьте, что это, почти теперь «игрушечное», предпріятіе сохраняетъ въ исторіи имя г. Гадалова, который, какъ богатый человѣкъ, исполняя, даже противъ воли своего отца, свою прихоть, положилъ такъ сказать первую ячейку, изъ которой разовьется стройное тѣло и предпріятіе это вызываетъ болѣе толковъ и надеждъ, чѣмъ всѣ предпріятія вкупѣ гг. Сибирякова и Кюпа. Изъ этого видно, о чемъ болѣетъ наше сердце. Такъ, въ доказательство важности внутреннихъ коммуникацій, что къ сожалѣнію все еще приходится доказывать, я приведу недавній примѣръ доставки хлѣба изъ Западной Сибири въ Восточную, гдѣ онъ, благодаря усердію кулаковъ, вздоржалъ черезъ мѣру и такимъ образомъ вызвалъ доставку его изъ западной половины Сибири, имѣвшую громадное вліяніе на пониженіе цѣны на здѣшней пристани въ нынѣшнее лѣто. А что было бы, если бы этотъ хлѣбъ привозился еще сюда на пароходахъ? Вѣдь это былъ бы цѣлый переворотъ!

Устройство канала неизбежно выведетъ наше пароходство изъ застоя и вызоветъ появленіе его на рѣкахъ Западной Сибири, такъ равно привлечетъ и къ намъ, на сѣверъ, предпринимателей, хотя бы ради конкуренціи противъ эксплуатаціи его мѣстными промышленниками; откроетъ постоянное сообщеніе вверхъ по Енисею, куда напримѣръ пароходъ «Москва», при своей малосильности, едва могъ подняться черезъ порогъ; откроетъ, по всей вѣроятности, забытое движеніе по Нижней Тунгускѣ, чуть не до самой Лены, о чемъ даже недавно хлопоталъ, кажется, киренскій исправникъ (тоже поди для медали), приславъ сюда письмо на имя здѣшнихъ капиталистовъ, имѣющихъ дѣла на Ленѣ, въ которомъ онъ просилъ снарядить легкое паровое судно и обѣщалъ все свое содѣйствіе; но наша косность и боязнь за карманъ отвѣтили конечно молчаніемъ. Устройство канала между Обью и Енисеемъ, скажу еще разъ, будетъ имѣть громадное вліяніе, оно вызоветъ новую эпоху, и вотъ почему я стою за него и несочувствую желѣзнодорожъ.

С—ъ.

КАКЪ СПОЗНАВАЛИ СИБИРЬ

ПОЛТОРАСТА ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Чѣмъ дальше плыли, тѣмъ больше возрастали своеволие и раздражительность господъ геодезистовъ. На Горбицѣ они отняли у служивыхъ ихъ собственного покупного быка и сказали «будто на деньги, да только невѣдомо на какія». Еще взяли другого «добраго» быка и отдали новому своему толмачу. На рѣкѣ Желтугѣ взяли изъ-подъ вьюка, общаго всеѣмъ служивымъ, третьяго быка «большого бѣлаго сильно и отдали безденежно своему возу». Съ вершинъ Черной рѣки сбѣжалъ изъ партіи и унесъ свои пожитки одинъ изъ тунгусовъ баягирскаго рода, ясашный.

На рѣкѣ Тугирѣ быкъ быка спихнулъ съ яра въ воду со вьюкомъ. На томъ быкѣ были навьючены пожитки геодезистовъ и между ними слѣдованная псалтырь московской мелкой печати, малая. Геодезисты, придравшись къ тому, что книга будто-бы подмокла, стали требовать у проводника, наблюдавшаго за быкомъ, пять рублей денегъ. Деньги они получили, и псалтырь себѣ не требовали. А за то, что быкъ упалъ въ воду, Ивана Молодого съ товарищами били плетью и испроломали головы, хотя изъ пожитковъ ничего не потонуло, и книга Псалтырь вовсе не была изменена. Съ рѣки Амазара сбѣжали еще двое ясачныхъ тунгусовъ дулигарскаго рода, и бѣжали не безъ особеннаго повода. У тунгусовъ этихъ геодезисты брали лошадей и посылали на нихъ третьяго тунгуса звѣровать въ ихъ, геодезистовъ, пользу и прибыль. Одного коня они взяли себѣ вовсе, безъ денегъ и безъ спроса. Тунгусы по ночамъ и въ дожди и въ «слекити» (слякотъ) ставились на всю ночь на караулъ: вся лопать (носильное платье) у нихъ измокла и прогнила, свалилась съ плечъ и обнажила спины.

На Амазарѣ-рѣкѣ, въ разошинахъ, разболѣлся служилый Чернецкій и не могъ идти дальше. Геодезисты бросили его при смерти, «и письма ему никакого не дали, невѣдомо для чего». Ни одинаковая участь и цѣли, ни общія страданія и невзгоды не разрушили той границы между пріѣзжими изъ Петербурга и туземцами изъ Нерчинска, которая установилась на первыхъ шагахъ по тому пути, гдѣ такъ дороги были и такъ много дѣлали товарищи изъ простыхъ людей, черные и темные пахатные люди. Надъ больнымъ Чернецкимъ сжалились только они одни: Иванъ Молодой съ товарищами оставили ему изъ своихъ запасовъ 30 фунтовъ сухарей, да мяса съ полтора пуда и котель. Несчастный, конечно, погибъ. Геодезисты продолжали драться. Скобельцинъ билъ по щекамъ привезеннаго изъ Иркутска вожа Королева, также безвинно, невѣдомо за что, и страдалъ битъ батожемъ и бранилъ всячески... «И прежде того Королева въ Нерчинску и въ другія многія времена били». Днями онъ ходилъ безъ караулу, а ночью во всю дорогу приставляли къ нему сторожей. Побитый на Амазарѣ, этотъ Королевъ также не вытерпѣлъ: воспользовавшись дневною свободой, на другой день послѣ побоевъ, онъ, подъ видомъ развѣдыванія пути, также убѣжалъ невѣдомо куда, «и въ лѣсахъ пропалъ безвѣстно и сыскать его не могли». Въместо Королева повелъ путниковъ новый провожатый, но и тотъ, когда шли Урекой рѣкой, подговаривалъ товарищей бѣжать, но тѣ не только не согласились, но даже сказали о томъ геодезистамъ: эти, однако тому доносу не повѣрили.

Неугомонились строптивые и злопамятные люди и послѣ того, какъ раздражающія путевыя невзгоды и лишенія утратили всю силу вліянія на душу и сердце. Не перестали они злоупотреблять властью, самовольничать безъ удержу и остраски, и конечно снова ни во что цѣнили послуги и готовную помощь и въ то уже

¹⁾ Капитаны его пароходовъ иностранцы.

время, когда въ укромномъ зимовѣ обязательно должно было по-сѣтить ихъ то душевное спокойствіе, которое не медлитъ являться на усладу по окончаніи тяжелыхъ трудовъ. Старыя неудачи легко забываются, пережитое горе и побѣжденное зло даже услаждаютъ воспоминанія. Въ виду мирныхъ картинъ добраго настоящаго тускнѣютъ, окрашиваясь въ розовый цвѣтъ, черныя и сѣрыя картины заднихъ плановъ, и новыя впереди не только не возникаютъ въ представленіи, но и думы о нихъ не приходятъ на умъ. Зима въ зимовьяхъ и въ одинаковой обстановкѣ снова уравнила всѣхъ. Жить бы дружною согласною жизнью, какъ учить всякая артель, которая одна только и выручаетъ въ подобныхъ опасныхъ случаяхъ жизни, однако недоброжелатели не позволили 13-ти спутникамъ построить себѣ зимовье общими силами всѣхъ наличныхъ работниковъ: всѣмъ было запрещено помогать. Построили себѣ отверженцы зимовье своими силами. Мало того: не дрогнула рука отнять у нихъ еще 5 быковъ, купленныхъ артелью, оставивъ ей только 10. Наконецъ, прислали въ артель такой неожиданный и безбожный приказъ:

— Опростаите вы зимовье свое, и подите, куда хотите: это-де зимовье надо господамъ на баню.

Тогда эта артель выбрала отъ себя уполномоченнаго Ивана Молодого, который ходилъ къ господамъ и имъ объяснялъ, что выдѣленнымъ мясомъ имъ всю зиму не пропитаться, и просилъ помощи.

— Или отпустите домой и дайте отпускнуое письмо.

Уполномоченному отвѣчали:

— Хоша подите или пропадите, а мы вамъ харчу и мяса не дадимъ, и жить не позволяемъ, и пашпортовъ не напишемъ.

Затѣмъ вскорѣ явились къ нимъ въ зимовье посланные отъ господъ отобрать свинецъ и порохъ, выданные рабочимъ въ исключительное пользованіе и по условію.

— Вы-де пойдете въ дома свои и порохомъ дѣлать вамъ нечего.

Оставалось несчастнымъ одно: именно поскорѣе отправиться домой. Захвативъ съ собою, что осталось мяса и припасовъ, они шли до Нерчинска семь недѣль. И, идучи по лѣсамъ, всѣ припасы потребили, такъ что до жилья семь дней «шли голодомъ». Придя въ Нерчинскъ, явились сами по начальству и дали показанія на допросѣ «въ самую сущую правду». Въ этомъ слались и на тѣхъ шестерыхъ товарищей, которые остались съ геодезистами въ зимовѣ, и на всѣхъ тунгусовъ:

— Никакой пакости не учинили. По ихъ наряду всякія службы служили безъ ослушанія и противности никакой не дѣлали. Велятъ брести черезъ какую-нибудь рѣчку, пытая бродъ, въ обуви и одеждѣ, и не дадутъ времени разуться, — и они бродили, такъ что вся зимняя лопать пригнала. Не велѣли по лѣсамъ ѣсть ягоды, и они и въ этомъ не прекословили. То же самое подтвердили и тунгусы на допросѣ (въ февралѣ) въ той же нерчинской воеводской канцеляріи: «отбою никакого и противности отъ служивыхъ людей не видали». «При разборѣ оружія служилые геодезистамъ непослушанія никакого не чинили». Не знаютъ только, отчего они въ своихъ зимовьяхъ стали жить порознь, и отпрашивался ли Иванъ Молодой съ товарищами, и ихъ отпустили, того они не слыхали, потому что жили въ особливомъ станѣ, «а русскаго языка и разговора не знаютъ». Видѣли однако, что когда двинулись служилые люди въ обратный путь, геодезисты смотрѣли равнодушно, не уговаривали и не унимали. Дѣло происходило среди бѣлаго дня.

Оставшись зимовать на рѣчкѣ Еловой съ тѣмъ, чтобы весною слыть въ Якутскъ по рѣкѣ Нюгжѣ—притоку Алдана, впа-

дающаго сѣвернѣе Якутска въ Лену, геодезисты очутились въ невеселомъ положеніи. Быки отъ дальняго перегона и безкормицы исхудали, обезсилѣли, идти не могли,—и пристали. Покупленные казенныя лошади частію поколѣли въ дорогѣ, частію исхудали такъ, что, придя на зимовье, въ тотъ-же день геодезисты принуждены были ихъ приколоть. На другой день они сдѣлали распоряженіе: служилымъ бить казенныхъ быковъ, для корма, всѣхъ безъ остатка, что и было исполнено. Служилые поспѣшили построить себѣ отдѣльное отъ господъ зимовье, сладивши двѣ артели: одну изъ 13 человекъ, другую въ 6 человекъ. Тунгусы поставили себѣ юрты также особо и въ нѣкоторомъ отдаленіи, чтобы облегчить себѣ наибольшую возможность звѣровать. Первая артель (изъ 13 человекъ) прожила на мѣстѣ только 5 недѣль, а затѣмъ «ушла самовольно на соболиныя промысла за границу на малый Ильдеканъ», какъ жаловались геодезисты нерчинской воеводской канцеляріи въ промеморіи, писанной 15 декабря 1735 г. и отправленной съ тремя тунгусами. «Оныя бѣглецы много въ пути намъ противности показали», жаловались геодезисты и прибавляли для пущаго внушенія, и стращали: «о семъ обстоятельно отъ насъ господамъ профессорамъ репортовано, и о томъ будутъ господа профессора въ правительствующей сенатѣ репортовать, что отъ такихъ бѣглецовъ учинилась въ длиннѣйшемъ пути остановка великая и въ казнѣ Ея Императорскаго Величества трата».

— Велѣли имъ быковъ бить на кормъ—писали геодезисты,— а они государевыхъ быковъ не бьютъ.

— Пришелъ толмачъ Иванъ Молодой и говорилъ, что служилые и нартъ не потянутъ. «И пришли собравшись и самовольно ружье свое изъ-подъ часовъ взяли, и ослушны быть стали и на караулъ толмачъ Молодой служивыхъ наряжалъ и они не пошли, въ чемъ и подписался своеручно оный толмачъ.

— А какъ явились они ослушны,—и стали тогда промыслять соболей. Одного соболя упробыляли, и стали говорить: «мы-де соболя упробыляли рублевъ въ 10 или 15».

— Приходилъ Михайло Щедринъ и объявилъ, что служивые звали его съ собою домой. «Посылали мы по служивыхъ, чтобъ къ намъ пришли и принесли порохъ и свинецъ, который имъ данъ въ Нерчинскѣ, и оныя служивые къ намъ не пошли, и порохъ и свинецъ намъ не отдали».

Просить геодезисты нерчинскую канцелярію «соблаговолить такихъ бѣглецовъ сыскать и содержать подъ карауломъ до присланія ея величества указа изъ Иркутской провинціальной канцеляріи, а порохъ и свинецъ съ означенныхъ бѣглецовъ доправить, и обо всемъ послать репортъ профессорамъ въ неукоснительномъ времени. А ежели попутчика въ Иркутскѣ неимѣется, то послать съ нарочнымъ, чтобъ господъ профессоровъ застать въ Иркутску».

Нерчинская канцелярія поспѣшила вернувшихся бѣглецовъ допросить, и всѣ 13 согласно на томъ допросѣ показали:

Еще въ Нерчинскѣ геодезисты опредѣленнаго къ нимъ толмача Тимофея Мирсанова били батогами на смерть, такъ что онъ затѣмъ увѣчьемъ и въ путь идти не могъ. Его принуждены были оставить въ Нерчинскѣ, а вмѣсто него, толмачемъ взяли другаго. Да еще били батогами Ивана Молодого (несмотря на то, что въ показаніяхъ своихъ онъ записанъ «отставнымъ дворяниномъ»), да Антона Полякова, да промышленнаго человѣка Василья Худякова безвинно же.

Когда садилась въ Нерчинскѣ на плоты, то одинъ казенный быкъ «сдурѣлъ». Его не могли поймать, а потому геодезисты велѣли этого быка застрѣлить, а мясо отдали всѣмъ служивымъ и жокамъ. Потомъ, когда уже выплыли изъ Нерчи въ Шилку, стали

требовать за быка со всѣхъ, кто его ѣлъ, семь рублей денегъ. «А намъ—простодушно показываютъ обвиняемые—за неизмѣнимъ денегъ на пустомъ мѣстѣ дать было нечего».

Геодезисты озлобились на отказъ и стращали, говоря:

— Какъ далѣе въ путь пойдете, и будете купить у насъ пудъ мяса по рублю.

Угрозу эту повторили и въ другой разъ. Передавали то же самое и монастырскому вкладчику, который плылъ съ ними. Для подкрѣпленія угрозы тогда же сдѣлали деревянный безмѣнь, въ вещественное доказательство намѣренія:

Приплыли они въ деревню Судакову. Здѣсь у Григорья Судакова стали геодезисты просить собакъ: Судаковъ далъ собаку геодезисту Петру Скобельцыну, а товарищу его Василью Шатилову отказалъ. Шатиловъ въ отместку не далъ Судакову времени собраться въ дорогу и велѣлъ немедленно плыть съ собой. Григорій, вмѣсто себя, поставилъ въ гребцы брата своего Луку, а самъ остался на короткое время дома забрать запасу. Въ тотъ же день онъ и настигъ путешественниковъ, но за то, что не далъ наказать себя безъ обѣда, былъ битъ батогами «безъ милости на смерть». Этотъ Судаковъ затѣмъ во всю дорогу подвергался особымъ преслѣдованіямъ со стороны геодезистовъ: когда вышли на водораздѣль Амура и Лены, у него отняли пицаль и натруску, заставили не въ очередь носить инструменты и тянуть мѣрныя веревки. Онъ сталъ просить милости, о возстановленіи очередей, геодезисты велѣли его схватить и стращали: «застегаемъ тебя батожьемъ въ смерть». Григ. Судаковъ острасткѣ повѣрилъ и убѣжалъ въ лѣсъ. Бѣжали за нимъ въ погоню, но схватить не могли. Такъ онъ и пропалъ безвѣстно. Ни пицалей, ни припасовъ онъ съ собой не захватилъ: только и была съ нимъ одна тупица да ножъ, а пожитки свои все оставилъ на рукахъ у начальства, вмѣстѣ съ двумя собачьими алыками, т.-е. лямками изъ оленьихъ ремней для подпояски собакъ поперекъ живота, во время ѣзды на нихъ. Порохъ и свинецъ Судакова геодезисты также взяли себѣ. «Наказали геодезисты отказомъ въ провизіи еще другаго спутника, служилаго Плотникова, за то, что у него въ пути «потерялся» выючный быкъ со скарбомъ, харчемъ, платьемъ, порохомъ и свинцомъ, и сыскать его въ лѣсу не могли. Случайному несчастью не помогли господа, выручали товарищи тѣмъ, что дѣлались съ нимъ припасами. Геодезисты били его палкой и стращали отказомъ въ дачѣ казеннаго мяса, «стращали по многія времена, и оной Плотниковъ отъ такихъ угрозъ, и бою, и голоду, тайно бѣжалъ невѣдомо куда и пропалъ безвѣстно». Спрошенные тунгусы подтвердили то же: «Плотниковъ въ пути питался около своей братьи и они, геодезисты, казеннаго корму ему не давали, и отъ того онъ и бѣжалъ».

Все остальные показанія служилыхъ тунгусы подтвердили съ одинаковыми подробностями въ поразительное согласіе. Съ простою первобытною и неспорченною совѣстью и съ искренною готовностію поклялись честные люди въ томъ, что откровенно рассказали, и боясь своихъ злыхъ и вѣчно мстительныхъ многочисленныхъ боговъ, приложили къ написанному вопросу знаки свои: луки со стрѣлами. «Описалъ и вмѣсто толмача, ихъ прошеніемъ, служилой Петръ Пушниковъ руку приложилъ».

С. В. Максимовъ.

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ ИЗЪ ТУРКЕСТАНСКОЙ ЖИЗНИ.

СКАЗКА ПЕРВАЯ

о томъ, какъ попалъ козелъ въ огородъ и что съ нимъ приключилось.

«Удивительною притягательною силою обладаетъ Туркестанскій край. Не зная его, такъ даже одного названія испугаешься. Услышишь бывало слова—Ташкентъ, Туркестанъ, Киргизская степь и т. под.,—ну, сейчасъ и на попятный: и руками, и ногами упрешься, чтобы только не угодить въ эту Басурманію, которая, по невѣдѣнію, представляется какимъ-то страшнымъ кошмаромъ, страшною, переполненною всевозможныхъ ужасовъ». Такъ началъ рассказъ одинъ знакомый намъ туркестанецъ, сидя въ веселой компаніи. «Но начали прѣзжать къ намъ всякіе люди подъ предлогомъ службы или карьеры, исканія богатствъ, наконецъ, просто потому, что дѣваться было некуда, и обжились да еще какъ, понравилось такъ, что назадъ съ трудомъ пришлось выселять». Здѣсь рассказчика попросили дополнить свой рассказъ нѣсколькими подробностями.

— Извольте, господа! отвѣтилъ онъ.—Лѣтъ, значить, восемнадцать тому назадъ, когда мы, благодаря блистательнымъ побѣдамъ, укрѣпились въ Туркестанскомъ краѣ въ качествѣ полновластныхъ хозяевъ, немало понадобилось народа для устройства правильной администраціи. Кликнули кличъ, охотниковъ явилось преизрядное число и дѣло какъ будто и наладилось. Въ одномъ только маху дали: вербовали безъ разбора, ну, и набрали такихъ молодчиковъ, которые знатно прославили себя подъ кличкою «ташкентцевъ»,—другими словами,—оказались такими теплыми ребятами, что отъ нихъ давай Богъ ноги, лишь бы убраться подальше по добру, по здорову. Тутъ были: и прокутившіеся маменькины сынки, отправленные въ далекій край отчасти для исправленія, отчасти для избавленія отъ опасныхъ сѣтей нашихъ современныхъ Аспазій; и должники, удиравшіе въ глубь Средней Азіи отъ настойчивыхъ преслѣдованій кредиторовъ, и посягнувшіе, вслѣдствіе неблагоприятнаго стеченія обстоятельствъ, на казенную собственность; и неполадившіе съ своимъ прежнимъ начальствомъ; и буйныя головушки, напѣвавшія «мнѣ моркотно молодецкѣ, нигдѣ мѣста не найду»; и сыны Марса, жаждавшіе славы, чиновъ и орденовъ; и любители новизны и сильныхъ ощущеній и т. д., и т. д. и т. д.

Впрочемъ, бывали личности выдающіяся образованіемъ и общественнымъ положеніемъ, хотя и ихъ не могла не коснуться общая страсть и, такъ сказать, ташкентская атмосфера. Къ послѣдней категоріи, по всей справедливости, слѣдовало отнести Евгенія Семеновича Савенкова.

Красивой наружности, молодой, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ лицѣѣ, происходившій отъ извѣстнаго и хорошаго семейства, обладавшій протекціей, г. Савенковъ вполне соответствовалъ своей новой дѣятельности и удостоился выдающагося поста помощника начальника канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора. Съ помощью далеко недюжинныхъ способностей, силы воли, предприимчиваго и находчиваго ума, Евгений Семеновичъ быстро выдѣлился изъ среды своихъ сослуживцевъ и, пользуясь довѣріемъ начальства, блистательно подвизался на новомъ поприщѣ. По настоящему казалось бы, что лучшаго и желать не надо было и что ему предстояла самая завидная будущность, а на самомъ дѣлѣ вышла

такая неожиданная исторія, что все прахомъ разлетѣлось,— однимъ словомъ лѣшій попуталь.

Ну-съ, господа, это была только присказка, а теперь расскажу вамъ и самую сказку.

Итакъ, почти на самомъ рубежѣ, раздѣляющемъ русскую часть Ташкента отъ туземной, на берегу арыка Чаули, среди тѣнистой зелени, въ собственномъ домикѣ поживалъ Евгений Семеновичъ, не вѣдая ни горестей, ни печалей. У русскихъ онъ былъ въ большомъ почетѣ, потому значить, что близко стоялъ къ самому генераль-губернатору; люди болѣе или менѣе равные ему по положенію дорожили его знакомствомъ, мелкая же сошка просто-на-просто побаивалась его,—и у всѣхъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ любимчика и счастливчика. А про халатниковъ, т.-е. туземцевъ, и говорить нечего,—они положительно преклонялись передъ нимъ со страха и величали его громкою кличкою «ката-тюря *»). И не даромъ давались Евгению Семеновичу эти названія: что бы онъ ни задумалъ и ни предпринялъ,—рѣшительно все удавалось, знать бабушка ворожила. Отъ большого ли счастья, или же просто-на-просто безшабашная ташкентская среда успѣла передѣлать на свой ладъ,—не берусь рѣшать,—пожалуй и отъ того и отъ другого; но дѣло въ томъ, что молодую головушку черезъ-чуръ гордыня обуяла, явилось болно высокое самомнѣніе; ну, малый и сбился съ панталыку: пошелъ на лихое дѣло, а какъ вкусилъ запретнаго плода, остановиться уже было не подъ силу и кончилъ тѣмъ, что... Однако не будемъ забѣгать впередъ и сообщимъ все по порядку.

У насъ частенько бываетъ, что разъ выдался человѣчекъ мало-мальски способный, на немъ и выѣзжаютъ во всемъ. По крайней мѣрѣ такъ случилось съ Евгениемъ Семеновичемъ. Чего только ему не приходилось исполнять! На немъ главнымъ образомъ лежало наблюденіе за дѣлопроизводствомъ по канцеляріи; онъ долженъ былъ участвовать въ пресловутомъ ярмарочномъ комитетѣ (о которомъ поговоримъ когда-нибудь въ другой разъ); въ его же вѣдѣніи состояли разныя секретныя дѣла; преимущественно ему предназначались наиболѣе важныя порученія и т. п.,—всего и не пересчитать, что перепало на долю любимца туркестанскаго генераль-губернатора. Само собою разумѣется, что за все это получалось изъ ряда выходящее вознагражденіе, о которомъ мелкой чиновной братіи и мечтать было бы безуміемъ. Ко всему этому, въ концѣ-концовъ, присоединилось новое благополучіе.

Извѣстно, что мы въ Туркестанѣ должны были вводить цивилизацію, и начали ее съ коннозаводства. Генераль сочувствовалъ, а г. Савенковъ развивалъ идею (*c'est une idée!*) Здѣсь нельзя не обратить вниманіе на одно весьма курьёзное обстоятельство: многіе полезные проекты, необходимыя предпріятія были положены подъ сукно съ довольно вѣскою оговоркою,—что, молъ, средствъ нѣтъ. За то на всевозможныя фантазіи, какъ на примѣръ: на украшеніе генераль-губернаторскаго дворца, на разведеніе роскошнаго генераль-губернаторскаго сада, на встрѣчи и проводы генераль-губернатора, на торжественныя генераль-губернаторскія обѣды и балы и т. под., деньги всегда имѣлись въ большомъ запасѣ, размѣрами суммъ нисколько не стѣснялись, почему и на туркестанское коннозаводство денегъ не пожалѣли.

Въ семнадцати верстахъ отъ Ташкента, близъ станціи

*) Катта-тюря—великій господиень.

Капланъ-бекъ, мигомъ выросъ почтенныхъ размѣровъ заводъ, куда собрали лучшихъ представителей лошадиныхъ породъ Средней Азіи: аргамаковъ, туркменовъ, карабаировъ, степняковъ и др.; однимъ словомъ, по принятому въ краѣ обыкновенію, затѣя была обставлена самымъ блестящимъ образомъ. Когда же нужно было назначить главнаго распорядителя, то выборъ палъ все на того же Евгения Семеновича Савенкова. Открытіе новаго учрежденія ознаменовалось параднымъ, торжественнымъ обѣдомъ.

Поселившись послѣ этого на Капланъ-бекѣ, Евгений Семеновичъ зажилъ полнымъ хозяиномъ, орудую по-своему и не зная никакой отчетности. Лишь разъ въ годъ, въ день годовщины открытія завода, г. Савенковъ задавалъ лукулловскіе обѣды, на которыхъ, съ бокаломъ шипучки въ рукѣ, краснорѣчиво провозглашалъ тосты въ честь начальника края и за преуспѣяніе завода, и, между прочимъ, заявлялъ, что заводъ хотя покуда не покрываетъ всѣхъ расходовъ, за то, современемъ, будетъ приносить казнѣ громадныя барыши. Такое заявленіе обыкновенно выслушивалось генераломъ съ благосклонною улыбкою и покрывалось шумными рукоплесканіями (чему, конечно, немало способствовала шипучая влага, щедро подливавшаяся въ бокалы); неизмѣннымъ послѣдствіемъ такого заявленія было новое ассигнованіе значительныхъ суммъ въ виду ожидавшихся выгодъ. Годъ проходилъ за годомъ, обѣды устраивались своимъ порядкомъ, продолжались пиршества и ночныя оргіи у Савенкова, танцовали баядерки, летѣли сторублевые бумажки. Вся Ташкентія участвовала въ этихъ пиршествахъ и завидовала, а дѣла завода нисколько не улучшались; напротивъ того, лошадиный разсадникъ поглощалъ непроизводительно все большія и большія суммы. Не разъ призадумывался начальникъ края надъ этимъ непонятнымъ явленіемъ, а до самой сути все-таки не додумался. Тонкій гастрономъ, любитель изрядной выпивки, строгій цѣнитель красоты черноокихъ туземокъ и ловкихъ бачей¹⁾, Евгений Семеновичъ, волея-неволей, принужденъ былъ производить такіе расходы, которые и любому богачу были бы не по карману. Да и на зеленомъ полѣ пришлось похвастаться почтенными кушиками передъ охотниками перекинуть картишки направо и налево. Нужно вамъ сказать, что по этой части ташкентцы не дадутъ маху; столица Туркестанскаго края любому Монако не уступитъ. Отказать себѣ въ этихъ развлеченіяхъ значило лишиться всего обаянія, а, между тѣмъ, на покрытіе всѣхъ названныхъ тратъ требовались запасы основательные; вслѣдствіе такихъ серьезныхъ обстоятельствъ, необходимыя запасы пришлось черпать изъ благодѣтельнаго лошадиного разсадника, что и совершалось безъ всякой помѣхи. Благо отчета не спрашивали,—отчего же было и не попользоваться? Вкусивъ же разъ за прещеннаго плода, немудрено было и пристраститься къ нему.

Тутъ-то и предстала великая дума: какъ бы навсегда обезпечить за собою неизсякаемый источникъ земныхъ благъ. «Мнѣ вѣдь все доступно, даже и то, о чемъ другіе мечтать не смѣютъ. Большому кораблю большое плаваніе». Утѣшивъ себя этимъ мудрымъ изреченіемъ, Евгений Семеновичъ сыгралъ ва-банкъ.

Въ одинъ прекрасный день, опять же съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, на официальном празднованіи

¹⁾ Бачи—это мальчики, которыхъ держали въ прислугахъ и которые заслуживали особаго расположенія цивилизаторовъ, дошедшихъ на окраинахъ до послѣдней степени развращенія и цинизма.

годовщины туркестанскаго коннозаводства, г. Савенковъ поднимается съ своего мѣста и, послѣ обычнаго тоста въ честь своего высокаго покровителя, торжественно провозглашаетъ:

«Къ великому прискорбію я долженъ сообщить вамъ, господа, что сегодняшній обѣдъ слѣдуетъ считать тризною туркестанскаго коннозаводства. Человѣкъ полагаетъ, а Богъ располагаетъ! Для поддержанія вѣреннаго мнѣ предпріятія я не щадилъ трудовъ и, главное, средствъ, а такъ какъ казенныхъ суммъ не хватало, то долженъ былъ прибѣгнуть къ собственнымъ своимъ средствамъ. Въ настоящее время заводъ задолжалъ мнѣ болѣе своей стоимости; а потому, чтобы избавить казну отъ дальнѣйшихъ расходовъ и не желая непроизводительно увеличивать дефицитъ края, я рѣшаюсь оставить заводъ за собою въ уплату должныхъ имъ мнѣ суммъ. Попытаю теперь продолжать предпріятіе на свой страхъ», а про себя закончилъ «и для собственныхъ барышей».

Замысловатою показалась эта рѣчь собравшемуся обществу, хмѣльные головы не раскусили всей соли этого смѣлаго краснорѣчія,—многіе даже по привычкѣ зааплодировали; партія была выиграна и все пошло своимъ чередомъ: казнѣ дѣйствительно менѣе убытковъ, да и коннозаводство не совсѣмъ рухнуло,—что и слѣдовало доказать.

Однако, многіе изъ обычныхъ собутыльниковъ Евгенія Семеновича скоро пронюхали истину и дались сильнѣйшей зависти. Открыто пойти противъ него никто не рискнулъ и вотъ нѣкоторые изъ ташкентскихъ молодцовъ порѣшили также выкинуть фортель и съ помощью все-сильнаго любимца урвать знатный кусокъ, который навсегда могъ бы послужить хорошимъ обезпеченіемъ. Такимъ образомъ составила цѣлая компанія на акціяхъ; заправиломъ ея былъ избранъ нѣкій полковникъ Иванъ Ѳедоровичъ Гугосъ, кураминскій уѣздный начальникъ. Это былъ человѣкъ бывалый, прошедшій огонь, воду и мѣдныя трубы; сперва служилъ онъ въ л.-гв. конно-гренадерскомъ полку, потомъ за растрату казенныхъ денегъ попалъ въ рядовые и, наконецъ, благодаря своей ловкости и счастливымъ обстоятельствамъ, не только вернулъ въ Туркестанскомъ краѣ чинъ полковника, но даже приобрѣлъ въ управленіе одинъ изъ самыхъ богатыхъ уѣздовъ Сыр-Дарьинской области (о немъ поговоримъ еще въ другой разъ). Компанія прихватила также кое-кого изъ туземцевъ; въ особенности полезнымъ помощникомъ оказался сынъ раба—Омаръ, бывший правою рукою Гугоса по уѣзду и обдѣлавшій съ нимъ немало выгодныхъ дѣлъ. Задачею общества было надѣлать всѣхъ пайщиковъ самыми плодородными участками земли. Не откладывая добраго дѣла въ долгій ящикъ, предложили въ новомъ предпріятіи львиную долю Евгенію Семеновичу и, заручившись его согласіемъ и сочувствіемъ, немедленно принялись дѣйствовать. Сама по себѣ задача не представлялась особенно сложною и заключалась въ слѣдующемъ: черезъ посредство разныхъ проходимцевъ изъ туземцевъ, снабженныхъ фальшивыми документами, прогнать настоящихъ землевладѣльцевъ и завладѣть ихъ земельными участками фиктивною покупкою за ничтожную цѣну отъ подставныхъ собственниковъ. Работа закипѣла, и закипѣла очень успѣшно уже потому, что во главѣ компаніи сталъ любимецъ генераль-губернатора; противиться никто не посмѣлъ, опасаясь немилосерднаго преслѣдованія. Въ подставныхъ землевладѣльцахъ недостатка не было; сфабриковать же фальшивые документы было не трудно,—достаточно было къ

подложнымъ купчимъ и другимъ актамъ приложить тамги *) створчивыхъ за извѣстное вознагражденіе казиевъ **). Много почтенныхъ личностей по милости компаніи лишились своей законной собственности, которая съ незапамятныхъ временъ переходила изъ рода въ родъ; ни къ чему не послужили ихъ слезы, жалобы и просьбы,—никто не хотѣлъ ихъ слушать, и право оставалось постоянно на сторонѣ гг. Савенкова, Гугоса, Омара и К^о, которые въ самомъ непродолжительномъ времени увидѣли себя обладателями крупныхъ земельныхъ участковъ, приобретенныхъ чуть ли не по 2 рубля за десятину.

Но къ счастью края, дѣла эти не могли долго скрываться, слухи о грабительской компаніи проникли куда слѣдовало и правда взяла свое,—даже покровительство друзей не было въ состояніи спасти отъ заслуженнаго возмездія. Прожектеры землевладѣнія и новые цивилизаторы отданы были подъ судъ. Разоблачилась масса хищенийъ и несправедливостей, а затѣмъ гг. Савенковъ, Гугосъ, Омаръ и нѣкоторые изъ ихъ сообщниковъ, утративъ всѣ права и преимущества, перекочевали на вѣчныя времена изъ глубины Средней Азіи въ Восточную Сибирь, гдѣ и нынѣ благополучно пребываютъ и въ шахматы играютъ.

Такъ-то-съ, милостивые государи! повадился козелъ въ чужой огородъ и кончилъ тѣмъ, что за проказы сложилъ свою буйную головушку. Надолго будетъ помнѣть Туркестанскій край Е. С. Савенкова, въ особенности туземцы, на себѣ испытавшіе острые когти одного изъ цивилизаторовъ.

Каракуртъ.

НОВЫЙ СПОСОБЪ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ГАЗЕТЪ.

(Фельетонъ)

Нами полученъ весьма курьезный документъ. Одинъ изъ сибирскихъ губернскихъ администраторовъ, отличающійся въ послѣднее время многими остроумными изобрѣтеніями, вздумалъ заняться литературою; онъ взялся изъ неофициальной части «Губернскихъ Вѣдомостей» создать нѣчто необыкновенное и далеко выходящее изъ скромной программы подобныхъ органовъ. Неофициальная часть выдѣлена въ особую газету (на нея принимается отдѣльно подписка). Затѣмъ, имѣется въ виду въ указанной губерніи вытѣснить всѣ остальные органы русской печати; для этого приняты экстренныя мѣры къ распространенію одной неофициальной части «Губернскихъ Вѣдомостей», а для сего напечатано слѣдующее воззваніе къ низшимъ чинамъ и вліятельнымъ лицамъ. Вотъ оно буквально:

«Я принялъ мѣры къ тому, чтобы эта часть мѣстнаго органа печати составлялась на столько полно, чтобы читатели находили въ ней всѣ текущія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Сибири, изъ столичной и провинціальной жизни Европейской Россіи и изъ-за границы. Неофициальная часть «Губернскихъ Вѣдомостей» за незначительную плату можетъ замѣнить мѣстному читателю дорогія столичныя и провинціальныя изданія (Ого! какая опасность угрожаетъ всей прессѣ). вмѣстѣ съ тѣмъ губернская газета является сосредоточіемъ всѣхъ относящихся къ Сибири географическихъ, топографическихъ (значить и карты будутъ), историческихъ, археологическихъ, статистическихъ, этнографическихъ и другихъ мѣстныхъ свѣдѣній и матеріаловъ».

*) Тамга—печать.

**) Казі—судья.

Значить, эта неофициальная часть «Губернскихъ Вѣдомостей» замѣнить Записки Императорскаго Географическаго Общества и дѣятельность отдѣловъ западно-сибирскаго и восточно-сибирскаго, которые должны упраздниться. Не знаемъ впрочемъ, обойдется ли дѣло безъ перваго портнаго, такъ какъ въ неофициальной части, имѣющей претензію замѣнить все, помѣщаются пока только перепечатки. Любопытно, насколько, однако, разростутся проворныя Вѣдомости и не составитъ ли это ужъ черезъ-чуръ большого расхода губернскому правленію!

«Одновременно съ расширеніемъ внутренняго содержанія «Губернскихъ Вѣдомостей», продолжаетъ реклама, приняты мѣры къ улучшенію ея внѣшняго вида. Въ самомъ непродолжительномъ времени газета будетъ печататься новыми шрифтами и на хорошей бѣлой бумагѣ».

«Обращая на все это ваше просвѣщенное вниманіе (разумѣй полиціймейстеровъ, квартальныхъ и прочую просвѣщенную публику), имѣю честь покорнѣйше просить оказать свое содѣйствіе къ возможно большому распространенію неофициальной части «Губернскихъ Вѣдомостей».

Такое скромное обращеніе, напоминающее языкъ объявленій Кача и убѣдительно краснорѣчіе торговцевъ готовыми брюками, фуражками и пальто, намѣреваемыхъ также замѣнить собою всѣхъ портныхъ столицъ, конечно произведетъ свое дѣйствіе на торговцевъ броднями и держателей питейныхъ домовъ. Вопросъ, зачѣмъ только понадобился этотъ фортель? Почему явились эти усилія вытѣснить всѣ органы печати изъ губерніи и даже спеціальныя и правительственныя. И почему рекомендуется для чтенія только одна «эта часть?» Объясняется это, какъ намъ комментируютъ, тѣмъ, что органы столичной печати начали обращать вниманіе на разные курьезы, все чаще повторяющіеся въ пресловутой губерніи. Мы понимаемъ, что бываютъ люди съ разстроеннымъ воображеніемъ, желающіе видѣть вездѣ враговъ и недружелюбное отношеніе, съ этою цѣлью затворяющіе днемъ ставни своего собственнаго дома изъ чувства страха и негодованія къ окружающему міру. Но что такая мѣра можетъ быть распространена на всю губернію и на всѣ обывательскіе дома, признаемся, слышать не случалось.

Быль, правда, случай въ Якутскѣ нѣсколько лѣтъ назадъ, а именно одинъ мѣстный начальникъ и управитель города подъ вліяніемъ меланхоліи возмнилъ, что всѣ имѣющіяся въ городѣ коровы питаютъ къ нему чувства недоброжелательства, а потому отдалъ приказъ полиціймейстеру уничтожить ихъ до одной, какъ вносящихъ разномысліе и раздоры въ гармонію общей почтительности, а также нарушающихъ уставъ «о благоустройствѣ казенныхъ селеній». Представьте себѣ недоумѣніе полиціймейстера и отчаяніе сердобольныхъ хозяекъ, питавшихъ самую нѣжную привязанность къ своимъ «Малашкамъ» и незнавшихъ за ними никакого грѣха, кромѣ малодойности. Печальное мычаніе огласило городъ, когда повели рогатое стадо въ полицейское управленіе для объявленія приговора. Къ счастью, истребленіе коровъ не осуществилось вполнѣ, и дѣло ограничилось развѣ десяткомъ, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ якутскій начальникъ былъ отвезенъ въ Иркутскъ съ медикомъ, а вмѣсто него прибылъ новый.

Мы не думаемъ, чтобы здѣсь происходило нѣчто подобное и настоящее распоряженіе не столь трагично, а имѣетъ скорѣе юмористическій характеръ. Даже исправники, обязывающіеся распространять газету съ просвѣщеннымъ вниманіемъ, говоря просто, создать обязательную

и насильственную подписку, не могли не отнестись къ этому дѣлу безъ нѣкотораго юмора.

Вотъ какъ производится, какъ пишутъ намъ, распространеніе «этой части».

Прежде всего исправникъ, получивъ обращеніе, тяжело вздыхаетъ, а затѣмъ отправляется на рынокъ уловлять читателей.

У лавки уже издали раскланивается съ нимъ Ѳеdulъ Парамоновичъ, торговецъ краснымъ товаромъ.

— Здравствуйте, Ѳеdulъ Парамоновичъ! говоритъ подходящій исправникъ добродушно.

— Какъ ваше здоровье, ваше высокоблагородіе? говоритъ заискивающимъ голосомъ Ѳеdulъ.

— Здоровье мое ничего, а вотъ давай-ко братъ 4 рубля, говоритъ исправникъ, лукаво улыбаясь и выкидывая листъ.

— Позвольте полюбопытствовать на что, Иванъ Яковлевичъ? Помилосердствуйте! недавно... говоритъ Ѳеdulъ, припоминая, что поборы всѣ очищены, окромя денегъ еще на прошлой недѣлѣ двѣ головы сахару... и т. д.

— Нельзя, братъ, пора вамъ читать пріучиться, газету выписывай, просвѣщать васъ приказано!

— Позвольте, Иванъ Яковлевичъ, мы «Московскія Вѣдомости» выписываемъ восьмой годъ.

— Это тебѣ замѣнить! Смотри, что сказано, читаетъ исправникъ изъ письма.

— Хорошо-съ, но зачѣмъ же мнѣ другую?

— Всѣ-равно, братъ, не разговаривай, сказано замѣнить! Просвѣщайся! Ѳеdulъ вздыхаетъ и отдаетъ четыре рубля—родъ новаго побора.

— Господи! вотъ новое навожденіе-то, вздыхаетъ онъ, поднимая глаза горѣ и теряясь, гдѣ же будетъ конецъ этимъ изобрѣтеньямъ.

— А, Михей Михеичъ! Затѣмъ исправникъ устремляетъ свой ироническій взоръ на плетущагося по площади старичка съ скопческой физиономіей и улепетывающаго, завидя исправника на рынкѣ.—Остановитесь-ко!

Михей Михеичъ низко снимаетъ картузь и думаетъ: «что бы это значило, кажется мы въ расчетѣ?»

— Михей Михеичъ, неужели неофициальную часть «Губернскихъ Вѣдомостей» выписать? пожалуйста четыре рубля! Приказано!

— Я свѣтскихъ, Иванъ Яковлевичъ, не читаю, боюсь; мы съ батюшкой «Церковный Вѣстникъ» выписываемъ, это душеполезно.

— «Эта часть» тебѣ все замѣнить, все, понимаешь? и духовную бесѣду, и псалтырь самый! говоритъ исправникъ. Обыватель колеблется.

— Ну, ну, вынимай бумажникъ-то! Михеичъ, видя умолимый взоръ, отстегиваетъ пуговицу и вытаскиваетъ четыре замасленные бумажки. Исправникъ побѣдоносно продолжаетъ шествіе по рядамъ.

— Мы «Сенатскія Вѣдомости», Иванъ Я—вичъ, выписываемъ,—мы «Ниву»—иллюстрировану-съ! рапортуютъ лавочники.

— Выписывай что приказано, сказано: «всѣхъ замѣнить!»! говоритъ внушительно исправникъ и собираетъ рваныя ассигнаціи съ торговцевъ.

Подписка быстро растетъ.

Лавочники исчерпаны, исправникъ проходитъ площадь и останавливается около торговокъ.

— Агафья! начинаетъ онъ, насмѣшливо прищурившись и обращаясь къ толстой молодухѣ, сидящей съ овощами. Агафья! ты, кажется, нынче хорошо морковью торгуешь, выпиши-ко газету—неофициальную часть.

— Что вы, ваше высокоблагородіе, помилосердитесь! Начинаетъ визжать баба,—какая у насъ торговля, вотъ одинъ покупатель сейчасъ задаромъ двѣ морковки стянулъ. Да и куда мнѣ газетину эту, пироги что ли на ней печь?

— Ну, это ты, положимъ, не смѣешь, газету начальство издаетъ! А она тебѣ замѣнитъ... Но здѣсь исправникъ остановился при мысли «что замѣнитъ»? У Агафьи былъ только кривой унтеръ-офицеръ, которому она отдавала всю нѣгу страсти, весь пылъ своей души и все барыши отъ моркови.

«А что, замѣнить ей газета унтеръ-офицера?» явился юмористическій вопросъ у исправника. Но такъ какъ надо было спросить еще разъясненій у губернскаго начальства, то исправникъ рѣшилъ пока пощадить бабу, а пошagalъ въ рядъ къ торговцамъ хомутовъ, лопатъ и оглобель.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДЕЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

7-го октября въ Берлинѣ происходили выборы выборщиковъ, имѣющихъ въ свою очередь выбрать депутатовъ въ прусскій сеймъ. Выборы кончились значительнымъ перевѣсомъ либераловъ. Но сельскіе округа и мелкіе города могутъ еще назвать консервативныхъ избирателей, и тогда въ новую палату явится консервативное большинство. Выборы были далеко не спокойнаго характера. Уполномоченные различныхъ партій ходили по долинь и вербовали голоса въ пользу своихъ кандидатовъ, каждый вечеръ собирались сходки различныхъ партій, а за ними зорко наблюдала полиція въ усиленномъ составѣ.

— Во Франціи передъ открытіемъ парламентской сессіи идетъ борьба политическихъ партій. Какъ либералы, такъ и консерваторы употребляютъ все усилія къ тому, чтобы не допустить Гамбетту захватить власть. Красные, социалисты, коммунисты и крайніе республиканцы видятъ въ Гамбеттѣ какого-то будущаго диктатора—Цезаря, способнаго возстановить въ свою пользу пѣчто въ родѣ второй имперіи; а консерваторы опасаются, что Гамбетта, достигнувъ вновь власти, упрочитъ республиканское правительство, паденіе котораго имъ кажется неизбежнымъ. Интернаціональная партія, какъ полагаютъ, вызвала крупныя беспорядки рабочихъ, преимущественно рудокоповъ въ Монсо-ле-Минь, прекращенныя теперь войсками, и подстрекаетъ рабочихъ къ поджогамъ и беспорядкамъ въ другихъ мѣстностяхъ. Кроме того, во Франціи обращаетъ на себя всеобщее вниманіе партія монархистовъ, дѣлящаяся на два лагеря: на легитимистовъ съ графомъ Шамборомъ, потомкомъ дома Бурбоновъ во главѣ и бонапартистовъ, мечты которыхъ останавливаются на двухъ претендентахъ, принцѣ Жеромѣ Наполеонѣ и сынѣ его принцѣ Викторѣ. Каждый изъ претендентовъ имѣетъ свой органъ печати, которые и ведутъ между собою перестрѣлку. Республиканское правительство игнорировало все невинныя демонстраціи, застольныя рѣчи и газетныя перебранки монархистовъ, а это дало поводъ партіи поднять головы. Легитимисты каждый годъ 17-го сентября праздновали день рожденія графа Шамбора, которому теперь 62 года. Для этого они избирали какіе-нибудь глухіе уголки, замки, помѣстья, гдѣ и производили свои манифестаціи, сопровождавшіяся тостами въ честь Генриха V и отправкою къ нему адресовъ. На этотъ разъ демонстраціи раздавались въ южныхъ городахъ Франціи, на площадяхъ шла открытая торговля легитимистскими эмблемами, бѣлыми знаменами и бурбонскими лиліями.

— Въ Дублинѣ, 17 октября, подъ предѣтельствомъ Парнелля собралась національная ирландская конференція. На этотъ разъ она была особенно многочисленна и на собраніе были допускаемы корреспонденты газетъ. Конференція выра-

ботала слѣдующую программу: 1) народное ирландское самоуправленіе; 2) реформа законовъ о землевладѣніи; 3) мѣстное самоуправленіе; 4) расширеніе парламентскаго и общиннаго избирательнаго права и 5) содѣйствіе интересамъ ирландскихъ рабочихъ и національной ирландской промышленности. Разработка подробностей будетъ поручена центральному совѣту изъ 30 человекъ.

— Въ сербскаго короля Милана былъ сдѣланъ выстрѣлъ вдовою полковника Марковича, осужденнаго военнымъ судомъ и казненнаго по поводу топольскаго заговора. Король остался невредимъ.

— Араби-пашу будетъ защищать англійскій адвокатъ; судъ еще не начался. Египетское министерство видитъ въ этомъ нарушеніе египетскихъ законовъ. Вообще, министерство недовольно чрезмѣрнымъ вмѣшательствомъ во все дѣла государства. Реуфъ-паша, президентъ военнаго суда, подалъ въ отставку. Арабское населеніе смѣется надъ безсиліемъ своего правительства.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

«Голосу» передаютъ, что въ 1883 году размѣръ издержекъ по мѣстнымъ управленіямъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, сравнительно съ такими же расходами прежнихъ лѣтъ, увеличенъ почти на 335,000 р. Такое увеличеніе расходовъ произошло вслѣдствіе разрѣшеннаго кредита на эту именно сумму на организацію въ будущемъ году переселенія въ Южно-Усурійскій Край и на содержаніе переселенческаго управленія.

— Общество русскихъ врачей положило каждагодно въ день 24 ноября чтить память Н. И. Пирогова торжественными засѣданіями, которыя будутъ посвящаться сообщеніямъ по предметамъ специальности Н. И. Пирогова.

— Финляндскій генералъ-губернаторъ графъ Гейденъ, по официальному сообщенію «Финляндской Всеобщей Газеты», получилъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ: «Узнавъ изъ всеподданнѣйшаго нашего донесенія, что, къ сожалѣнію, вы были вынуждены въ одномъ случаѣ принять мѣры, которыя не вполне согласуются съ существующими постановленіями въ Великомъ Княжествѣ, Я призналъ полезнымъ приказать вамъ на будущее время, въ случаѣ недоразумѣній, зависящихъ отъ неполноты или неясности смысла постановленій, требовать отзыва отъ прокурора сената, и, кромѣ того, вмѣстѣ съ сенатомъ представить мнѣ, въ какой мѣрѣ является потребность въ кодификаціи финляндскихъ законовъ».

— Слухъ о пожертвованіи 500,000 р. въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ оказался невѣрнымъ. По свѣдѣніямъ газеты «Врачъ», одно лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, внесло единовременно 25,000 рублей, а другое, тоже оставшееся неизвѣстнымъ, обязалось вносить ежегодно по 5,000 рублей.

— Во многихъ мѣстностяхъ Россіи горятъ лѣса; кромѣ того, въ окрестностяхъ Петербурга горятъ торфяныя болота.

— Во Владивостокѣ разрѣшена газета «Владивостокъ». Редакторъ ея Соллогубъ служитъ чиновникомъ въ штабѣ губернатора и въ настоящее время уѣхалъ въ Одессу, для покупки типографіи.

— «Петербургскій Листокъ» слышалъ, что г. министромъ государственныхъ имуществъ, статсъ-секретаремъ Островскимъ, возбужденъ вопросъ объ улучшеніи положенія служащихъ въ губерніяхъ; какъ полагаютъ, вопросъ этотъ въ непродолжительномъ времени будетъ переданъ на разсмотрѣніе одного изъ высшихъ правительственныхъ учреждений.

— По заявленію парижскихъ докторовъ, всякая опасность въ положеніи И. С. Тургенева миновала; больной вступилъ на путь выздоровленія. Иванъ Сергѣевичъ переѣдетъ на свою дачу въ Шату, близъ Версаля.

— «Новости» слышали о существующемъ предположеніи весьма существенно измѣнить порядокъ эксплуатаціи пріисковъ на алтайскихъ и барнаульскихъ заводахъ.

— С. П. Глазенапъ сообщаетъ въ «Новое Время», что боль-

шая комета прекрасно видна въ четыре часа утра. Хвостъ ея длиною въ шестнадцать градусовъ и восходитъ въ юго-восточной части горизонта.

— «Новому Времени» сообщаютъ изъ С.-Франциско, что въ средѣ тамошнихъ коммерсантовъ возникла мысль устроить компанію пароходства для установленія торговыхъ сношеній съ Японіей и русскими восточно-азиатскими портами.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири. Изданіе хозяйственнаго департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Спб. 1882.

Книга «Эконом. Опис. городскихъ поселеній Сибири», книга дѣловая, серьёзная, фактическая, даже сухая. Но несмотря на ея сухость, её можно назвать пріятнымъ подаркомъ сибирскому публицисту ко дню сибирскаго юбилея. Это едва ли не первое статистическое обозрѣніе, посвященное Сибири однимъ изъ петербургскихъ департаментовъ. До настоящаго времени при всякихъ статистическихъ работахъ, обнимающихъ всю Россію, обыкновенно выключали Сибирь, отдѣльныхъ же работъ о Сибири также не давалось; изрѣдка только издавались общія статистическія обозрѣнія Сибири, въ родѣ Гагемейстеровскаго, которыя по видимому и должны были замѣнить всякія другія частныя статистическія обозрѣнія. Описаніе сибирскихъ городовъ, изданное нынѣ, составлено главнымъ образомъ по матеріаламъ, доставленнымъ чрезъ посредство начальниковъ губерній и областей, общественными управленіями сибирскихъ городовъ, въ 1877—1879 годахъ. Дополнительными источниками служили нѣкоторые документы, находящіеся въ хозяйственномъ департаментѣ и центральномъ статистическомъ комитетѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а также свѣдѣній, обнародованныхъ въ оффиціальныя и частныя изданія. Составлена упомянутая книжка такъ полно, добросовѣстно и съ соблюденіемъ плана и равномерности, что лучшаго и требовать нельзя при настоящемъ состояніи данныхъ. Отдавая полную справедливость и дань уваженія составителямъ, мы не можемъ не указать на недостатокъ частныхъ изслѣдованій и описаній сибирскихъ городовъ. Этотъ недостатокъ произошелъ не по винѣ составителей книги, которые, какъ видно, не брезгали матеріалами, собранными частными лицами. Причина просто отсутствіе литературы даннаго предмета. Въ числѣ частныхъ источниковъ книги упоминаются сочиненія: г. Словоцова «Матеріалы по исторіи и статистикѣ Омска», и кн. Кострова: «Однодневная перепись населенія города Томска, 1880 г.». Вотъ всего только два сочиненія, специально посвященныхъ описанію сибирскихъ городовъ; болѣе этого не имѣется и въ наличности подобныхъ сочиненій. Дѣло статистическаго описанія сибирскихъ городовъ много бы выиграло, если бы въ лучшія условія были поставлены любители мѣстной исторіи и географіи, если бы на мѣстахъ существовала литературная и ученая дѣятельность и тамъ бы выходили частныя описанія городовъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Человѣкъ, живущій въ томъ же городѣ, который онъ описываетъ, конечно можетъ освѣтить и растолковать нѣкоторые показанія цифръ, которыя для посторонняго останутся навсегда нѣмыми. Вотъ, если бы явилась такая мѣстная литература, состоящая изъ отдѣльныхъ монографій по части исторіи и статистики и географіи городовъ, общее описаніе ихъ, составляемое при центральномъ управленіи Имперіи, получило бы иной, болѣе жизненный характеръ. Къ сожалѣнію, дѣло изученія статистики на мѣстѣ затруднено; губернскіе статистическіе комитеты ничѣмъ не заявляютъ своей дѣятельности; за все время ихъ существованія можно указать только на двухъ дѣятельныхъ секретарей: кн. Кострова и Словоцова; но первый былъ уже старъ, когда вступилъ въ свою должность, а второй пробылъ секретаремъ очень недолго. О другихъ же ни слуху, ни духу; одинъ даже сталъ извѣстенъ, какъ ловкій собиратель взятокъ съ бурятъ. Что же касается до постороннихъ лицъ, то имъ въ Сибири невозможно заниматься наукой, особенно имѣющей отношеніе къ общественной жизни. Еще жуковъ и бабочекъ ловить можно; на это занятіе сибирское начальство смотритъ снисходительно, особенно если ученый не брезгаетъ садиться за одинъ карточный столъ съ мѣстными Дмухановскими и Земляничками; но если ученый работаетъ и пишетъ по предметамъ, стоящимъ ближе къ жизни, въ уѣздномъ городѣ въ немъ будутъ заподозрѣвать автора мѣстныхъ обличительныхъ корреспонден-

цій, и тогда онъ наживетъ кучу неприятностей; въ губернскомъ, можетъ быть, облавы на него чинить не будутъ, но все-таки все ему пути и двери къ занятіямъ заградятъ и запрутъ, если онъ вздумаетъ держаться особо, вдали отъ карточного стола, именинъ, визитовъ. Ты не садись съ нами въ карты играть, скажетъ ему сибирское начальство, какъ Ноздревъ Чичикову, такъ не давай его конямъ овса! Такіе случаи и бывали не разъ. Сибирскіе города рисуются намъ по воспоминаніямъ слѣдующимъ образомъ:

Когда-то однообразные сибирскіе деревянные остроги съ развитіемъ жизни въ Сибири превратились въ города, изъ которыхъ каждый имѣетъ теперь свою особую физиономію. Тюмень, стоящая въ центрѣ округа кустарной промышленности, съ своими меріонными кожами, черками, броднями, шубами, коврами, корчагами, рукавицами,—это сибирская Шуя; Тобольскъ съ его двадцатью церквами на двѣ тысячи домовъ и церковными древностями можно назвать сибирскимъ Кіевомъ; Петропавловскъ со своими минаретами и закутанными съ головы до пятъ женщинами—это будетъ сибирская Казань; далѣе Омскъ, городъ чиновниковъ и военныхъ, городъ такъ называемой «чевкинской» архитектуры, съ казенными зданіями, у которыхъ, по выраженію Гоголя, «наполовину фальшивыхъ оконъ», съ ковшнями, амунничными складами и цейхгаузами на главныхъ площадяхъ, съ садовыми бесѣдками въ видѣ карцеровъ. Не менѣе своеобразенъ стоящій еще далѣе Семипалатинскъ, лежащій на сыпучихъ пескахъ, за что заслужилъ названіе «песочницы»; здѣсь вы чувствуете себя стоящимъ у воротъ въ центральную Азію: сугробы нанесеннаго песку на площадяхъ, на улицахъ и у воротъ самаго губернаторскаго дома; верблюжій крикъ во дворахъ и татарская рѣчь на базарѣ. Далѣе Томскъ, по своему торговому и центральному положенію въ Сибири можетъ быть названъ сибирской Москвою; о немъ то же можно было бы сказать, что онъ «на семи холмахъ», если этихъ холмовъ было менѣе. Это городъ кушца, такъ называемого «Кондрата» и его «молодцовъ», городъ оптовыхъ складовъ, вороховъ бродней, бунтовъ кожи и пр., городъ церквей, соборовъ и благотворительныхъ заведеній, построенныхъ купцами:—не только давно объявленный «столицей Сибири», это какъ бы слитыя въ одинъ стаканъ исключительно бюрократической Омскъ и преимущественно—купеческій Томскъ; ни въ одномъ сибирскомъ городѣ нѣтъ столько казоваго, какъ въ этомъ городѣ, отъ разныхъ якобы ученыхъ обществъ, составленныхъ изъ коллежскихъ совѣтниковъ и коллежскихъ секретарей до уличныхъ ретиранныхъ мѣстъ. Еще далѣе правильный, какъ вафельная доска, Красноярскъ, правильнѣе, чѣмъ Васильевскій островъ въ Петербургѣ, и слѣдовательно совершеннѣйшая противоположность безпорядочному Томску; наконецъ Иркутскъ—здѣсь, какъ и въ Москвѣ, а за недостаткомъ мѣста и тѣсною въ самомъ городѣ, можно встрѣтить церковь и лавку въ одномъ зданіи, на городскомъ выгонѣ и соборъ на задахъ купеческихъ конюшенъ; типъ здѣшнихъ каменныхъ построекъ—купеческій амбаръ; какъ омскій архитекторъ изъ учительской семинаріи норовитъ создать конюшню, думая, что это «и удобно, и прочно, и красиво», какъ говорится въ учебникахъ архитектуры, и сверхъ того благонамѣренно, такъ томскій, въ угоду вкусамъ «Кондрата», дѣтскій пріютъ и женскую гимназію устраиваетъ на подобіе виннаго склада, пакгауза или кирпичнаго сарая, съ отдушниками и высокой, превысокой крышей, думая, что такъ будетъ «и прочно, и удобно, и красиво и душевнеспасительно».

Эти картинки далекой родины были навѣяны намъ видомъ книги, заглавіе которой выписано выше.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на газету

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

НА 1883 ГОДЪ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ ОСТАЕТСЯ ТА ЖЕ.

Цѣна за годъ 8 рублей.

Адресъ Редакціи см. на 1 листѣ.